КНИГА ЗА КНИГОЙ



Иван Васильев

АЛЫЕ ПИЛОТКИ

Издательство „Детская литература“



ИВАН ВАСИЛЬЕВ

АЛЫЕ ПИЛОТКИ

ПОВЕСТЬ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1989

ББК 84Р7
В19

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Это действительно так было. Известная на Верхней Волге тракторная бригада Николая Алексеевича Тарантасова начала соревнование за высокие урожаи хлеба. Трактористы хорошо удобряли поля, не допускали брака на пахоте и севе, старались убрать всё до колосочка — и в первый же год собрали почти по двести пудов зерна с каждого гектара. Они строго следили и за тем, чтобы по полям и лугам не ездили на машинах, не торили тропинок. Вот в этом-то деле и помогли механизаторам школьники. Они организовали отряд под названием «Хлебный патруль», который зорко охранял хлебные поля.

Я хорошо знал этих ребят, видел, как они дружно помогали трактористам, и написал о них повесть, которую вы сейчас прочитаете.

Настоящим хозяином нельзя стать в одну минуту. Хозяин начинается с малого: подними кирпич, который валяется на дороге, прибери доску — она ещё пригодится, собери старое железо на машинном дворе — оно пойдёт на переплавку и вернётся к нам в виде новой машины.

Сейчас перед всем народом стоит большая и сложная задача — бережно, заботливо относиться к общественному богатству, ко всему, что мы имеем и создаём. Не будучи бережливым, нельзя стать богатым. А в богатстве Родины — наша сила и надёжность мира на всей Земле.

И. Васильев

Рисунки С. ЯРОВОГО

Васильев И. А.

В19 Алые пилотки: Повесть/Рис. С. Ярового.— Изд. 2-е.— М.: Дет. лит., 1989.—64 с.: ил.— (Книга за книгой).

ISBN 5—08—000488—6

Повесть рассказывает об участии школьников в трудовой жизни своего колхоза, об их борьбе за сохранение урожая.

В $\frac{4803010201-001}{М101(03)-89}$ 166—89 ББК 84Р7

ISBN 5—08—000488—6



1

Успенская школа гудела, как растревоженный улей. Едва прозвенит звонок с урока, в классах, в коридорах начинается такой галдёж, хоть уши затыкай. Посторонний человек ни за что не понял бы, о чём кричат ребята. Слышались отдельные слова: «трактор», «деньги», «бригада», «хлеб», и можно было подумать, что тут не школьники учатся, а идёт колхозное собрание.

Особенно шумно было в пятом классе. Народ там подобрался горластый и сильно активный. Они-то, откровенно говоря, и начали первыми весь этот шум и гам.

Таня Ведерникова сказала:

— Ребята, давайте сделаем так, чтобы у нас не было неуспевающих. Телегину это понравится, и он отдаст трактор нам. Жене Стрельцову надо исправить двойки.

Стрельцов в это время объяснял Толе Башкину конструкцию самоходной тележки, которую он задумал построить. На предложение Ведерниковой он ответил коротко и выразительно: шмякнул на парту мокрую тряпку.

Тряпка угодила на раскрытую тетрадку и испортила красиво выполненное домашнее задание по ботанике.

— Хулиган! — Таня чуть не плакала.

— Не суйся не в своё дело! Больно нужны Телегину твои пятёрки. Ему видовую прополку пшеницы провести надо, потому что пшеница посеяна элита, за неё большие деньги платят. Вот что ему от нас надо.

— Точно! — поддержал приятеля Толя Башкин.— От пятёрок Ведёркиной хлеба больше не вырастет. Хлеб растёт от удобрения. Предлагаю возить на каникулах навоз. Вожжи в руки — и айда!

— Опоздали, мальчики,— снисходительно сказала Таня.— Навоз давно на конях не возят. И сортировки наилучшие есть, они рожь от пшеницы сами отделяют.

— Поглядите на всезнайку! — вскричал Стрельцов.— Хоть бы кумекала в машинах, а то ни бе ни ме, а суётся. «Наилучшие сортировки»!.. Где ты их видела, наилучшие?

— Ей папа сказал. Он доклады делает и про всё на свете знает.— Толя Башкин поднялся на цыпочки, надул щёки и выкинул по-ораторски руку вперёд.— Товарищи депутаты! На сегодняшний момент мы имеем такие достижения, что рожь от пшеницы сама убегает...

Класс хохотал до упаду.

С этой как будто несерьёзной перепалки вся каша и заварилась.

На другой день комсомольцы из восьмого класса вывесили в коридоре плакат:

Третий, решающий, год пятилетки наш колхоз встречает ударным трудом.

А мы?

Ребята предлагают:

6-й класс — посадить деревья на машинном дворе,
4-й класс — вырастить овощи для колхозной столовой,
Женя Стрельцов из 5-го класса — провести видовую прополку пшеницы.

ДУМАЙТЕ! ДУМАЙТЕ!

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОДАВАЙТЕ В КОМИТЕТ КОМСОМОЛА.

Перед плакатом толпилась вся школа. Башкин сказал Стрельцову:

— В люди выбиваешься. В газете напечатают — на весь район прославишься.

— И прославлюсь,— важничая, ответил Женя.— Пожалеешь, что подшипник не дал.

— В обмен на трубку. Ты телегу придумал, а я самопал сделаю. Ахнешь!

— Где я тебе возьму? У меня трубочный завод, что ли?

— Мне какое дело. Хочешь подшипник — гони трубку.

Два последних урока Женя усиленно ломал голову: что бы такое придумать, чтобы снова попасть на плакат и окончательно посрамить Башкина, Ведерникову и всех отличников. Редко, очень редко выпадает на долю Жени Стрельцова похвала. Гораздо чаще его склоняют за неуспеваемость и за всякие предосудительные поступки. Слывёт он в школе трудным учеником. И вот такая возможность — прославиться на всю школу, а может быть, и на весь колхоз.

Уроки истории и географии пролетели мимо ушей. Женя ничего не слышал. Он снова переживал тот день, когда в школу пришёл Телегин.

Была суббота. Это я хорошо помню, потому что на уроке алгебры схватил двойку и мне велели явиться в понедельник с отцом. Я огрызнулся, и меня попросили за дверь.

Хожу по коридору, насвистываю: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди, солдат вернётся, ты только жди...», как вдруг отворяется парадная дверь и входит Телегин, бригадир тракторной бригады.

— Ты чего рассвистелся? — спрашивает у меня.

Я немного оробел. О Телегине трактористы говорят, что он очень строгий. А в бригаде работает мой дядя, Юрий Сергеевич Стрельцов. Дядя Юра и Телегин дружат, и скажи я сейчас чего-нибудь не так, дойдёт до дяди, который бывает построже отца. Тогда я нашёлся и отвечаю:

— Мне тут одно дело поручили. Хожу мозгую...

Он говорит:

— Ладно, мозгуй. Где мне директора найти?

— Она на уроке. Вы, товарищ Телегин, в учительской подождите.— Я заторопился проводить бригадира в учительскую.

Он усмехнулся и головой качает.

— Что-то ты сегодня вежливый. Набедокурил?

Вот говорят, человек сквозь землю видит. Точно. Товарищ Телегин видит. Я не придумал, что сказать, только плечами пожал и — на улицу. А на улице — мороз, долго не побегаешь, да и скучно одному. Тут скоро звонок прозвенел, ребята высыпали в коридор, а минут через пять всем нам велели построиться на линейку.

— Чего-то объявят,— сказал Ба́шка.

— В кино поведут,— заявила Ведёркина. Она дочка председателя сельсовета, раньше всех узнаёт новости и оттого задаётся.

— Ничего подобного,— сказал я.— Товарищ Телегин выступать будет.

Танька фыркнула. Я качнулся, будто меня толкнули, и наступил ей на ногу. Но развернуться вовсю мне не дали. Из учительской вышли Анна Васильевна, директорша наша, и товарищ Телегин.

— Ребята,— сказала Анна Васильевна,— к нам пришёл дорогой гость, Николай Алексеевич Телегин. Сейчас он скажет кое-что для вас приятное.

Мы заулыбались. Ещё бы! Телегина почитают в колхозе не меньше председателя, потому что под его началом вся техника. И если он к нам пришёл самолично, значит, дело серьёзное. Такой человек на пустяки время тратить не будет.

Телегин начал свою речь:

— Я только что из райкома партии. Нашу идею там одобрили. А идея заключается вот в чём. Начинаем мы, ребята, большое соревнование. Не знаю, как вам попроще объяснить. Ну, словом, так: взялись мы, то есть тракторная бригада, сэкономить на эксплуатации техники за три года двадцать тысяч рублей. Часть этих денег отдаём школе. Точнее сказать, не деньги принесём и положим — вот вам, а купим новый трактор, книжек для библиотеки и всякое спортивное оборудование. Чтобы вы, значит, росли культурными и познавали технику. Уроки по трак-

тору будут давать наши механизаторы. Вот такая, значит, новость...

Тут поднялся такой крик — не пойми что. Мы орали «ура», девчонки тоже что-то пищали. Утихомирить нас уже не было никакой возможности, Анна Васильевна махнула рукой и велела расходиться.

Сразу после уроков мы с Толькой Башкой помчались в мастерскую. Она, как нам идти в свои Кузьминки, по левую руку на горке стоит. Мы и раньше забегали, но редко и ненадолго. Телегин увидит — живо прогонит. Ему, во-первых, по правилам безопасности не положено ребят к машинам допускать. А во-вторых, он знает, что у нашего брата обязательно что-нибудь к рукам прилипнет. Я и сам грешен. Три подшипника, что дома в сарае лежат и ждут, когда я начну делать самоходную телегу, не с луны свалились. За эту самую слабость нас и гонят от тракторов.

Но в тот день мы смело, не таясь, заявились на машинный двор. На дворе было тихо, и в мастерской тихо. Ни одного человека не видно. Но голоса откуда-то доносились. Прислушались — из красного уголка. Собрание там шло. Я узнал голос Петра Ивановича Горбачёва, колхозного экономиста.

Раньше такой должности не было, а теперь есть. Экономист, он считает. Всякое разное считает. Сколько, например, хлеба собрали и сколько на этот хлеб потратили горючего, запасных частей, зарплаты и ещё чего-то. Вот он всё, что потрачено, сложит, потом вычтет из стоимости хлеба — получится либо прибыль, либо убыток. Если прибыль — хорошо, колхозникам премии дают и колхоз что-нибудь строит или новые машины покупает. А если убыток, то совсем плохо. Надо идти в банк и просить денег в долг, по-научному кредит называется.

Извиняюсь, маленько наперёд забежал. Про экономиста я после узнал, а тогда — слышу голос Петра Ивановича и думаю: надолго засели, не иначе Пётр Иванович трактористов учит. Голова моя сразу настроилась на поиск. Поискать, где что плохо лежит. Башкин тоже принюхивается, тянет меня за рукав и в угол показывает. Ай, стыдно говорить, что мы сотворили!

Я сунул в карман шариковый подшипник. Его-то мне как раз

и не хватало! Башка латунную трубку наглядел, от радости аж заикаться начал: «Женька, са... самопал будет!»

Набили мы карманы изрядно, даже не подняться. Но тут мне показалось, что не карманы тянут к земле, а чья-то рука на плечо давит. Оглянулся — и обомлел: дядя Юра за спиной стоит. Ужас, как стыдно сделалось! Но виду не показал, бодро так говорю:

— Наше вам, дядя Юра! Собрание уже кончилось?

— Кончилось,— говорит.— Выкладывайте!

Пришлось карманы выворачивать. Мы выворачиваем, а дядя Юра считает:

— Три с полтиной... Рубль... Два пятьдесят...

Десять рубликов насчитал! Я сразу сообразил, что это детали столько стоят. Сейчас нам хорошая проборция будет!

Но дядя Юра ругать не стал, а повёл в другой конец мастерской. Там стоял разобранный «Беларусь».

— Покажите мне в этой машине лишнюю деталь,— сказал он.— Такую деталь, без которой трактор мог бы работать.

Мы стояли и лупали глазами. Столько этих деталей было на столе, что считать их целый день будешь, а названия выучить — так и года мало. Откуда ж нам знать, которая лишняя, а которая не лишняя?

— Так вот, запомни, племяш,— говорит дядя Юра,— и ты, Башкин, тоже запомни: лишних деталей в машинах не бывает. Есть запасные детали. Их всегда не хватает. Другую днём с огнём не найдёшь. Пока ищешь, трактор стоит, дело не двигается. Ну-ка, посоветуйте, что в таком случае делать? Не знаете? А делается в таком случае вот что. Идёт тракторист в тот угол, где вы шкодили, и в десятый, а может, в сотый раз начинает перебирать старьё. Глядишь, что-нибудь подходящее и найдёт, пригонку сделает — пошёл трактор. А теперь, когда бригада начала соревнование за экономию, и старья в угол не выкинут, будут смотреть, нельзя ли в реставрацию пустить. Вы на червонец в карман насовали, а из таких-то червонцев те самые двадцать тысяч и соберутся. Дошло до буйных головушек?

Мы сказали, что «дошло», и скучные потопали в свои Кузьминки...

Наконец прозвенел звонок, захлопали крышки парт, и в одну минуту класс опустел. Женя сидел, словно приклеенный. В его голове мало-помалу зрело предложение. И когда созрело, он вскочил, как подстёгнутый, и вылетел из класса. Кинулся в один угол, в другой — никого! Ребят будто метлой вымело. Вот досада! Такое предложение пришло на ум, а рассказать некому. Хоть плачь!..

Сама судьба вынесла из пионерской комнаты Таню Ведерникову. Вынесла и поставила на пути столбом. Она, наверно, от изумления остолбенела: такой страдальческий вид был у Жени.

— Ты чего?

С ним и в самом деле что-то случилось. Сказал, как самый примерный мальчик.

— Послушай, пожалуйста. Я надумал такое важное предложение!

У Тани округлились глаза. Не забияка Стрельцов был перед ней, а воплощение вежливости. Руку к сердцу приложил и, кажется, даже ножкой шаркнул. Вот же может быть воспитанным человеком!

— Говори, Жень. Какое ты предложение надумал?

— Я надумал охранять поля от скотины. Чтобы потрав не было. И чтобы бригада Телегина собрала много хлеба. Может, видела: все края полей потравлены. А это знаешь сколько хлеба? Тонны! На них не один трактор можно купить.

Но Таня почему-то не разделила Жениного восторга. Лицо её поскучнело.

— Не...е зна...аю. Что ж нам, пастухами становиться?

Сказала, как ведро холодной воды на голову вылила.

Стрельцов опять стал прежним.

— Не знаешь — и катись!

Ещё и тумака мимоходом отвесил.

«Зря слова тратил,— говорил он сам себе по дороге домой.— Что она понимает, эта Ведёркина? Испугалась, что коров придётся пасти... А может, я в самом деле ерунду придумал? Взрослые ничего не могут поделать, а мы что сделаем? Кабы пастбища хорошие были да пастухи настоящие... Напрасно, выходит, голову ломал. Ну пускай, голове это не вредно. Придумаю ещё чего-нибудь».

Скоро, однако, начались каникулы, и Женя ничего больше не придумал: некогда было.

На каникулах меня впрягли в работу. Моя мать работает телятницей. Однажды, это было перед Новым годом, она пришла с собрания сердитая и давай ворчать:

— Манька Сазониха — ударница. Тонька рябая — ударница, а я что, хуже их? Вот возьму две группы телят — и докажу.

Отец стал урезонивать:

— Надорвёшься. Кабы механизация была...

А мать тогда и говорит:

— А вы, мужики, на что?

Она имела в виду отца и меня. Только я не понял, что мы должны делать: механизацию строить или помогать телят выпаивать. Скоро это разъяснилось. Мать разбудила меня затемно и велела собираться на телятник.

— Подстилку поможешь сменить,— сказала она.— Только оденься потеплее, мороз большой.

Я сел на низенькую скамейку у печки, на которой мы с отцом обуваемся, и стал накручивать портянки. Валенки у меня с запасом, можно на две портянки обуться да ещё и с носком. Я решил, что если всё накрутить, то и ног не поднимешь, обулся на одну портянку. Мать заметила:

— Не ленись, торопыга. Говорю, мороз большой и снегу навалило. Выпусти штанины на валенцы.

Нянчит как маленького, будто ни разу по сугробам не лазил. Когда на санках катаешься, целые голенища начерпаешь, и нипочём.

Мы пошли на телятник, мать впереди, я за ней. Мороз и правда трескучий. А сугробища — по пояс! В темноте я сбился с тропинки и ухнулся в ямину. Выбрался, отряхнулся, ползу дальше. Иду и думаю: вот бы моего брата сюда! У меня брат есть, двоюродный. Он в городе живёт, в пятый класс ходит, как и я. А вот, хотите верьте, хотите нет, его чуть не с ложки кормят, постели за собой убрать не умеет. Куда такой годится? В солдаты возьмут — наплачется. Чего мне вдруг про брата подумалось, сам не знаю. Наверно, всё-таки не доспал, на улице ещё ночь была.

В телятник вошли — там тепло и светло. Стены и загородки побелены, полы дощатые, проход широкий, хоть конём поезжай. По обе стороны в загородках — телята двухнедельники.

Знаете, какие глупыши эти телята! Тычутся мокрыми носами в руки, так и норовят что-нибудь пососать. Зазеваешься — враз полу или рукав обмусолят. И глядят на тебя так ласково и доверчиво, что и хотел бы стукнуть которого, да рука не поднимется.

Пока я телятами забавлялся, мать коня запрягла и въехала на санях. Стали мы грязную подстилку из загородок вырывать и вывозить. Потом ржаной соломы воз навили и развезли по двору.

Закончив одно дело, взялись за другое — пойло разносить. Скоро я понял, что поить телят очень волынисто. Берёшь ведро и несёшь в загородку. Телёнок сунется всей башкой в ведро, чмокает, бодается, а ты ведро придерживаешь, чтобы не опрокинул. У меня скоро спина заныла, на корточки присяду — ноги немеют. Худая работа — телят поить.

— А ты думал, рай небесный, — смеётся мать. — Погоди, ужо вторую группу наберу — заставлю вас с батькой в загородках покланяться. Погнете спины — начнёте головой думать.

Я ничего не сказал. Что скажешь, если правда? А сам начал мозговать. И опять вспомнил брата. Когда ездил к нему в Москву, то видел, как по перрону мороженщицы на тележках большущие ящики с мороженым возят. Тележки совсем низенькие, на шариковых подшипниках. Такую-то чего не сделать! Платформу только пошире надо, чтобы сразу десять вёдер помещалось. Поставил — и развози по двору.

Вечером взял тетрадку, сел к столу и стал рисовать телегу. Дошёл до колёс и вспомнил, что четвёртый подшипник так и не выманил у Башкина. Надо идти и христом-богом просить, чтобы выручил. А вредный Башка без трубки не отдаст. Значит, первый вопрос, где взять трубку? Хоть какую-нибудь завалящую..

Поднял я глаза на потолок, а на потолке люстра висит. Когда люстру купили, она оказалась для нашей низкой избы длинновата. Отец ножовкой отпилил половину трубки. Хороший обре-

как получился, целых три самопала можно сделать. Разыскал трубку, сунул в карман и скорее к Башкину.

— Выйдем,— говорю ему на ухо.— Будет тебе самопал.

Вышли на веранду, я трубку из кармана вытаскиваю — у Тольки глаза завертелись со скоростью сто оборотов в минуту.

— Ух ты! На целое ружьё! Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько просишь?

— Что я, торговаться пришёл? — спокойно говорю ему.— Давай подшипник, мне телегу на телятник надо делать.

Не верит. Пришлось растолковать, что за работа — телят поить. Он тогда расщедрился и выложил два подшипника. Получилось очень хорошо, потому что у меня третий подшипник был маленький. Теперь все четыре как на подбор. Я лёг спать счастливый.

А утром прикинулся больным, и на телятник за меня пошёл отец. Я наскоро перехватил, что под руку на столе попало, и помчался в тракторную мастерскую.

В мастерской первым делом разыскал дядю Колю, токаря. Он наш, кузьминский, через два дома живёт. Для него выточить две оси плёвое дело. Объяснил, что и как, а он говорит:

— Без бригадира не могу, работой завален.

Вот тебе нá! И тут ещё, как гром с ясного неба, голос Телегина:

— Петров, почему до сих пор палец шатуна не выточен?

Дядя Коля берёт со стола блестящую круглую железину и подаёт Телегину. Тот сразу смягчился.

— Это другое дело. Отнеси, Петухову отдай.

Ну сейчас Телегин турнёт меня из мастерской. Я уже намерился улизнуть за дверь, как вдруг он спрашивает:

— Послушай, Стрельцов, это ты предложил насчёт скотины и тропинок?

— Каких... т-тропинок? — Я даже заикнулся от неожиданности.

— Мне в сельсовете говорили: ребята, мол, собираются охранять хлеба от потрав. И чтобы, значит, тропинок и дорог по полям не прокладывали. Называли твою фамилию. Это правда?

— Насчёт потрав я говорил, а...

— Молодец, парень! — Товарищ Телегин хлопнул меня по плечу.— Это нам вот так надо! — Он провёл ладонью себе по горлу.— А то, понимаешь, порядку на полях никак не добьёмся... Ты чего ни свет ни заря тут торчишь? Техникой интересуешься?

Ну, тогда я осмелел и говорю:

— Оси выточить пришёл, телегу делаю. Мамка в передовики выходит.

Телегин засмеялся и приказывает дяде Коле:

— Петров, выточи ему оси на телегу. Вне очереди.

Вот так: вне очереди! Сам не знаешь, где твоё счастье лежит. За полчаса оси были готовы, я летел домой, ног под собой не чуя. Но, несмотря на то что голова моя сплошь была занята телегой, в ней нет-нет да и мелькала мысль: кто же это про тропинки придумал, а на меня свалил? Когда эта мысль в третий раз пришла, я сообразил: если разговор был в сельсовете, значит, от Ведерникова пошло, от Танькиного отца, а ему, конечно, Танька рассказала. Но зачем же она про тропинки и дороги приплела?

Ответа я не нашёл. Да и некогда было искать: два дня делал телегу. Когда сделал и матери показал, она так и ахнула:

— Боже мой, какое облегчение! — и чмокнула меня в макушку.

За такую награду я готов был сто телег сделать. Но ответил, конечно, как подобает:

— Ладно, чего там... Выбивайся в передовички.

— В передовички как ли, а уж Маньку Сазониху, ведомо, за пояс заткну.

Моя мамка была настроена по-боевому. А я сомневался.

— Сазониха вон какая здоровущая, куда тебе.

— В нашем деле главное — сноровка, сынок.

Все каникулы я бегал на телятник, а как пошли в школу, в первый же день учинил Таньке допрос.

— Ты зачем сказала, что я про тропинки придумал? Дурачком хотела выставить?

Она начала сверлить каблучком сапожка пол. Я сказал:

— Не сверли, а отвечай, не то без каблуков домой пойдёшь.

Танька взглянула на меня исподлобья и говорит:

— Не, Жень, я не хотела тебя дурачком выставлять. Просто

в тот раз не досказал. Про скотину сказал, а потом заругался и не досказал.

Может, так и было? Может, в самом деле, я не стал говорить о тропинках? Не знаю. Но всё-таки, думается мне, Танька хитрила. Сама придумала, а на меня свалила. Но исправить уже ничего нельзя было, вся школа твердила: «Стрельцов придумал... Стрельцов придумал...» Я рассудил: не всё ли равно, кто придумал, лишь бы польза была.

Бригадир Телегин сказал ребятам, что трактористы начали соревнование за экономию денег на эксплуатации техники. А что это значит, объяснять не стал. Посчитал, что ребята сами знают. Конечно, некоторые знают, а некоторые и не знают.

Экономия на эксплуатации — это вот что такое. Если машина работает, то она, понятное дело, снашивается и в своё время требует ремонта. Ну, а каждая починка стоит денег. Так вот, если машину берегут, хорошо за ней ухаживают, следовательно, и ремонтируют реже. Скажем, капитальный ремонт, который обходится в 800—900 рублей, положено делать один раз в три года. А умелые трактористы работают на машине по пять, шесть и более лет без ремонта. Вот вам и экономия средств на эксплуатации.

Но такая бережливость, хоть и похвальна, — не главная цель соревнования. Главная цель в том, чтобы, оберегая машины, больше вырастить хлеба, что на языке колхозного экономиста Петра Ивановича Горбачёва означает: при меньших затратах получить больше продукции. Иначе это ещё называется хозяйственным расчётом.

Так вот бригада Телегина обязалась не только экономить деньги, но и вырастить по 30 центнеров хлеба на гектаре. Много, умело и грамотно надо потрудиться, чтобы собрать такой урожай. Тут каждый колосок идёт в счёт. А если в посевы скотина зайдёт или начнут по ним ездить и ходить, то потери не колосками исчисляются, а центнерами и тоннами. Потому-то Николай Алексеевич Телегин сразу одобрил предложение ребят.

А Пётр Иванович Горбачёв, как только услышал, что ребя-

та загорелись желанием охранять посевы, сложил свои бумаги в папку и пошёл в школу. Первым делом заявился в пятый класс и сказал:

— Поскольку вы инициаторы, с вас и начнём. Проведём урок экономики. Давайте решим любопытную задачку.

Он взял мел и стал писать на доске условие.

— Дано: от Кузьминок до Успенского напрямую два километра. Кузьминские жители, чтобы покороче бегать в магазин, проложили через поле тропу шириной 30 сантиметров.— Пётр Иванович отыскал глазами Стрельцова и Башкина и спросил: — Правильно я говорю? — Женя с Толей кивнули.— Так вот, требуется узнать: сколько затоптали кузьминские скороходы хлеба, если на один гектар высевается два центнера зерновых, или семь миллионов зёрен, и если один колос весит полграмма?

Вот это была задачка! Попотели ребята. Пять минут прошло, Пётр Иванович спрашивает:

— Кто решил?

Молчание. Ещё пять минут пробежало — ни одна рука не поднялась.

— Э,— сказал Пётр Иванович,— так будете решать, мне неделю надо в школу ходить. Давайте-ка вместе. Стрельцов, иди к доске. Высчитай площадь тропинки.

Женя быстро перемножил длину на ширину, то есть 2000 метров на 0,3 метра.

— Шестьсот!

— Чего?

— Квадратных метров.

— Так. Теперь считай, сколько вырастет хлеба на одном квадратном метре?

Получилась маленькая заминка. Женя хорошо знал, что в гектаре сто соток, а сколько квадратных метров забыл.

— Понятно,— сказал Пётр Иванович.— Привыкли к соткам. В гектаре десять тысяч квадратных метров.

Вот бы так преподавали: одна подсказка и задачка сама пошла. Женя стучал мелком по доске. Семь миллионов зёрен разделил на десять тысяч. Получилось, что на каждый квадратный метр высеяно семьсот зёрен. Из каждого зерна выросло по колосу, а колос весит полграмма. Значит, полграмма, помноженные

на семьсот, дадут 350 граммов. Итог ещё раз помножим на шестьсот, то есть на всю площадь тропинки,— и вот результат: 210 килограммов.

Женя Стрельцов глядел на выведенную им цифру и глазам не верил. И весь класс не верил. Чтобы какая-то тоненькая тропиночка, по которой они каждую весну бегают в школу, «съела» столько хлеба? Быть не может!

— Что-то не так,— сомневался Толя Башкин.— Вы не напутали, Пётр Иванович?

— Не напутал, ребята. Всё правильно. В прошлом году мы специально считали. Замерили все дороги и тропинки, проложенные по посевам. Знаете, сколько колхоз не добрал хлеба? Двести тонн! Будь они в амбаре, можно бы дополнительно надоить двести тысяч литров молока. Это обед на полмиллиона человек...

Когда Пётр Иванович ушёл, Женя Стрельцов стал считать заново. Всё было точно. Тогда он взобрался на стул и на самом верху доски крупно написал:

Кто полем пройдёт — килограмм хлеба украдёт.
Увижу — ноги оторву!!!

И знаете, Жениной шутке никто не смеялся. Более того, когда на следующем уроке учительница хотела стереть надпись, весь класс закричал:

— Не трогайте! Это наш девиз.

К вечеру девиз перекочевал с доски в коридор. На огромный плакат. Только без угрозы. Насчёт того, чтобы «отрывать ноги», Женя, конечно, переборщил.

Урок экономики ещё и то имел следствие, что вся пионерская дружина записалась в добровольную охрану колхозных полей. Дело приняло серьёзный оборот, и однажды в школу приехали сразу три представителя: инспектор районо, секретарь райкома комсомола и корреспондент газеты.

На этого корреспондента я сильно обиделся.

Дружина построилась на линейку, и представители начали

говорить речи. В речах ничего нового не было, всё то же: хлеб вырастить нелегко и его надо беречь. Это мы уже знали. А не знали мы вот чего: как назвать нашу затею? Представители тоже не знали.

Инспекторша сказала:

— Пожалуй, подойдёт — «Пионерский патруль».

— Нет, что-нибудь конкретней надо,— возразил ей секретарь райкома.— Например, «Хлебный патруль».

Корреспонденту не понравилось.

— Не то. «Патруль «Хлеб-83». Это звучит!

А инспекторша — ни в какую.

— Эта мода оскомину набила: «Спорт-83», «Урожай-83», «Мебель-83»...

Они спорят, а мы молчим. Нас не спрашивают. Наконец договорились: «Патруль «Хлебное поле». Мы дружно проголосовали. Тогда начали выбирать штаб и отдельно — начальника штаба. Корреспондент взял слово.

— Ребятишки, вожака надо выбрать настоящего. Не мямлю какого-нибудь, хотя у него и пятёрок целая сумка, а отчаянного парнюгу, самого что ни есть хулиганистого...

Он, наверно, оговорился, уж больно горячий. Наверно, хотел сказать «самого боевого», а сказал «хулиганистого». Но — вылетело, не поймаешь. Ребята закричали:

— Стрельцова! Стрельцова!..

И — выбрали. Мне даже пикнуть не дали. А что хорошего? Не за какие-то заслуги возвысили, а потому, что «хулиганистей» во всей школе не нашлось. А по совести сказать, никакой я не хулиган. У меня характер такой: не люблю несправедливостей. И ещё — зазнаек, выскочек... Дашь такому тычка — и сразу крик: «Стрельцов дерётся! Хулиган!»

В общем, я обиделся на корреспондента и не хотел приступать к исполнению обязанностей. Целую неделю дулся, а потом вижу, дело хромает, никто ни за что не берётся, все ждут команды, ну и... согласился.

Так я стал начальником.

Пришла весна. Снег согнало рано, но тепла не было, лес не просыпался от зимней спячки, по ночам почву прихватывало заморозками.

— Нехорошая нынче весна, племяш,— сокрушался дядя Юра, когда они с Женей шли в Успенское: старший — в мастерские, младший — в школу.— Как бы нам со своим обязательством в лужу не сесть.

Опасения дяди Юры не были зряшными. В поле выехали только 23 апреля, а в обычные вёсны к этому времени успевали отсеяться.

Телегин и его трактористы ходили хмурые, ругали погоду. Настроение взрослых передавалось ребятам. Женя Стрельцов по пустякам придирался к командирам постов.

Вся дружина добровольцев была разбита на посты: сколько деревень, столько и постов. Зимой в ателье заказали алые пилотки и зелёные нарукавные повязки. Шитьё — золотой колос на пилотках и слова «Патруль «Хлебное поле» на повязках — делали девочки. Мальчикам было поручено сколачивать дощатые щиты и писать на них надписи: «Берегите хлеб — богатство колхоза», «Раз по полю пройдёшь — килограмм хлеба украдёшь». Начальнику штаба Стрельцову не нравилось то одно, то другое. Один раз он даже отстранил от работы Колю Пономарёва, командира поста в Игнатовке, за то, что тот коряво написал буквы.

— Подумаешь,— сказал Пономарёв,— всё равно вороны грамоты не понимают.

— Ещё каркнешь — сниму с командиров! — пригрозил Женя.

Рассудительный Толя Башкин уговаривал приятеля:

— Не горячись, Стрелец. Надоело ждать, вот и балуются. Скорее бы сеять выезжали, что ли.

Наконец настал долгожданный день. Вся дружина под знаменем и с барабанами направилась в поле — на первую борозду. Пять мощных «дэтэшников», каждый с пятикорпусным плугом, выстроились в ряд, уступом влево, как танки перед атакой. Секретарь колхозного парткома произнёс речь. Он напутствовал

трактористов на «битву за хлеб», а ребятам сказал: «Пройдёт немного времени, вы сядете за штурвалы тракторов и комбайнов, станете хозяевами самого большого наследства — вот этой земли. А пока...»

Секретарь парткома достал из кармана двое ножниц и вручил одни Телегину, другие Стрельцову. Бригадир и начальник патруля пошли к красной ленте, которая перегораживала путь тракторам. Ножницы взблеснули на солнце, лента упала на землю, и тотчас гулко ударили пять пускачей. Потом утробно заработали моторы, трактористы вскочили в кабины, опустили плуги, и машины тронулись. Девочки запели «Ой вы, кони, вы кони стальные...», мальчики подхватили, кричали что есть мочи, а ничего не было слышно: такой стоял гул.

У Николая Алексеевича Телегина осветилось лицо.

— Есть упоение в бою! А, Стрельцов?

— Есть, товарищ Телегин! Кровь из носу, а тридцать центнеров возьмём!

— Возьмём, брат. Вырвем у царь-природы.

Бригадир завёл мотоцикл и помчался на другие поля. Теперь ему не будет ни сна, ни отдыха, покуда не отсеется. Страда остаётся страдой и в машинный век.

Приказ пришлось сочинять на уроке, другого времени не было. Сочинил и велел Ведерниковой переписать красивым почерком и повесить в коридоре, чтобы все читали и исполняли. Приказ гласил:

«Поля засеяны!

Семена брошены в землю!

Из них вырастет стопудовый урожай!

Чья нога затопчет этот хлеб, тот будет преступником!

Бригада товарища Телегина может не выполнить обязательства и сядет в лужу!

Приказываю не допустить позора!

Всем постам завтра вкопать на дорогах и тропинках предупредительные щиты!»

Танька прочитала и говорит мне:

— Жень, зачем столько восклицательных знаков наста-

вил? Лучше — точки. Восклицательный знак в конце предложения ставится...— и начала учить меня грамматике.

Я взбеленился:

— «Точка»! Вот ты и есть точка. Точка — это мямля, размазня. А нам надо железо, сталь! Поняла? И не учи меня грамматике. Грамматика тут не подходит. Раз хлеба касается, должно быть восклицание.

Ведерникову я живо привёл в повиновение. Только Анне Васильевне не мог доказать. Ей не понравилось про преступника и про лужу.

— Это лишнее, Стрельцов. И не совсем культурно.

Я начал возражать, но она сказала:

— К документу должно быть уважение. Сила приказа не в крикливости, а в убедительности.

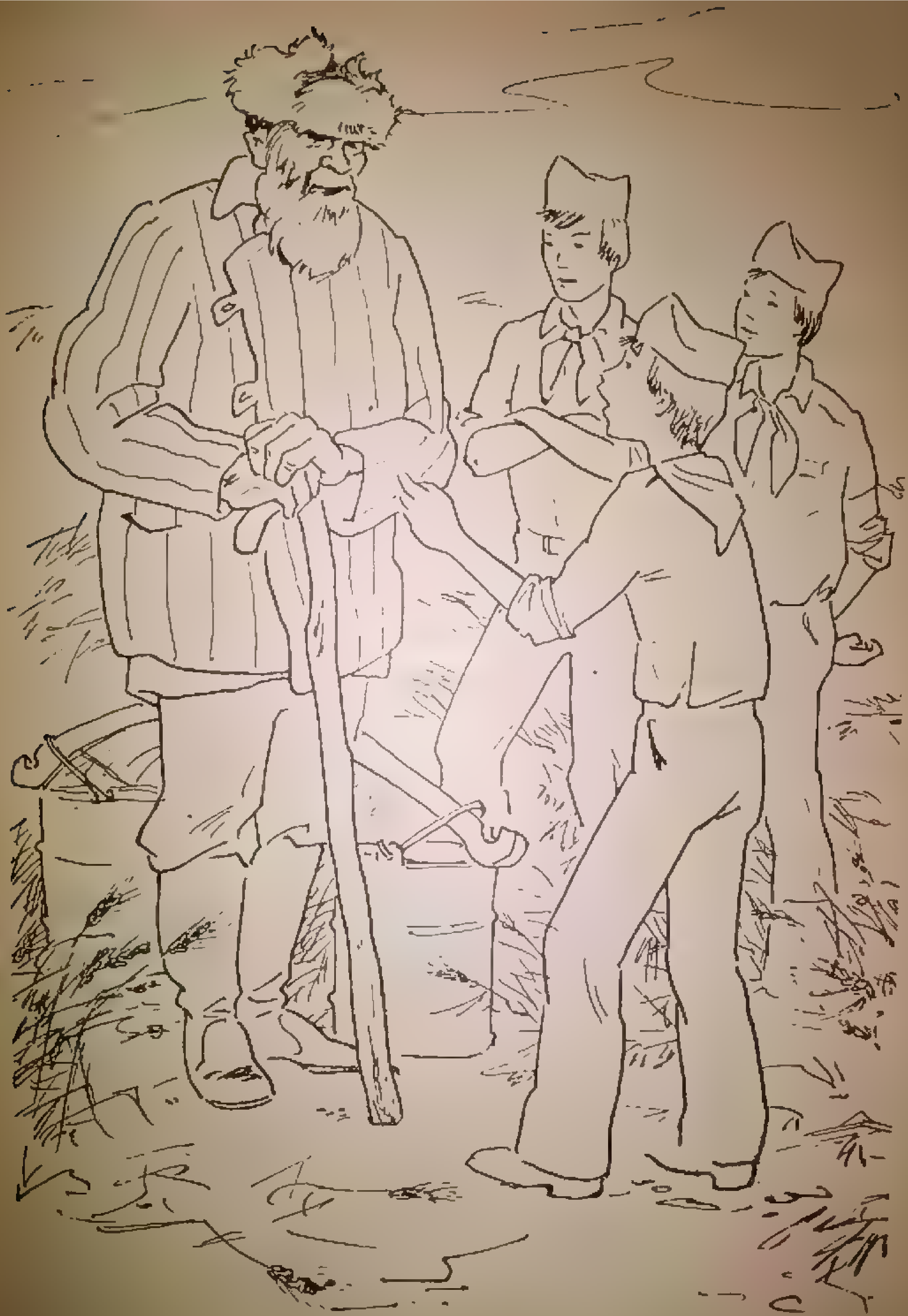
Это правда. Сам не люблю, когда на меня кричат. Скажи спокойно и вежливо — сделаю, а начни кричать или грозить — упрусь как бык и ни с места. Пришлось «преступников» и «лужу» вычеркнуть. Всё равно приказ получился внушительный, и к концу занятий командиры доложили, что у них всё готово.

Назавтра было воскресенье. С утра я отправился на шестой пост — в Игнатовку. Командиром там Колька Пономарёв, а уполномоченным штаба был назначен Башкин.

Когда я пришёл на поле, ребята копали яму под столб. Место хорошее выбрали, со всех сторон видать, и как раз на тропинке. Тропинка шла от деревни пожнями и у поля обрывалась: тут её перепахали. Ни единого следочка на ниве ещё не было, но с часу на час надо было кого-нибудь ждать: пойдут либо в магазин, либо в контору.

Раньше я не задумывался, кто торит тропинки. Мне казалось, что они существовали всегда. Бывало, как рано ни встанешь, на рыбалку или ещё по каким делам, поглядишь — кто-то до тебя уже прошёл. И топаешь по готовому следу. Теперь мне интересно стало: кто первый. По готовому всё-таки идти не так совестно. Думаешь: другие прошли и тебе можно. А вот что первый думает, это интересно.

Вкопали мы столб, прибили щит с надписью и сели передохнуть. Башкин говорит:



— Маленько не додумали. Надо было столбы полосатыми покрасить. Красным и белым. Как на границе.

— Кто тебе на ерунду краски даст? Целый пуд краски надо,— сказал Пономарёв.

Башкин придрался к слову.

— Ага, наша работа — ерунда? Может, мы ошибку сделали, что тебя командиром поставили?

— Конечно, ерунда. Посмеются и будут ходить, как ходили.

— Ну, этого я не оставлю! Как представитель штаба, обязан вправить мозги нытику.

Башкин кинулся на Кольку, и они завозились, катаясь по траве. В это время от деревни показался дед Никита. В руке палочка, на плечах коромысло — чего-то в вёдрах несёт. Катит прямо по тропинке. Неужели дед будет первым, подумал я и велел всем притаиться.

— Моё доказательство идёт,— смеялся Пономарёв.

Тропинка вывела деда Никиту прямо на столб. Он, видать, очень удивился. Стал и читает: «Кто по полю пойдёт, килограмм хлеба украдёт». Я даже дыхание затаил: повернёт на дорогу или не повернёт? А дед потоптался, ушанку облезлую на глаза надвинул и... пошёл напрямик.

Пономарёв катался по траве и хохотал как сумасшедший.

— Полосатый... Как на границе... Ой, лихо мне!..

Башкин тигром кинулся вдогонку деду:

— Стой! Ни с места!

Мы всем постом обступили деда Никиту. Он опустил вёдра на землю, разогнулся, руки на тросточке сложил и говорит:

— Ай, молодцы, ребятушки! Горазд умные слова на доске написали. Наши батьки, бывало, крапивой нас драли, если в рожь забежим.

Мы не знали, что и сказать. Чудно, сам хлеб топчет и говорит, что это плохо. Мы, когда набедокурим, отпираемся, прикидываемся неразумными. А дед Никита сам себя бранит.

Мы спросили, зачем же он тогда не дорогой пошёл, а через поле.

— А вот скажите, ребятушки, как мне быть? Вчерась товарищ Ведерников приходил, председатель Совета. Велел молоко продавать. Сказывал, план трещит, в городах молока нехватка.

А мы разве против, мы завсегда готовы продать. Куда его, молоко-то? Нам со старухой литра хватит.

— Дед Никита,— закричал с досадой Башкин,— мы тебе про поле говорим, а ты нам про молоко!

— Так и я же про поле. Хлеб топтать — худое дело. А где ж мне, старому, две версты лицику переть? Тропинку закроете, я и молоко не стану носить. Пущай колхоз подводу присылает.

— Нас это не касается, — встрял Пономарёв.— Мы за молоко не отвечаем.

Я остановил их:

— Погодите. Если в каждую деревню подводу назначать, тоже не прибыльно получится.

— Так, так,— поддакивает дед.— Не прибыльно, сынок. Народу мало, а деревень вон сколько!

— Ну, тогда пускай ходят, — заворчал Башкин.— Нечего столбы ставить.

Вижу, положение безвыходное. И дед Никита прав, и мы правы. И молоко продавать надо, и хлеб нельзя топтать. Ну, я всё-таки нашёл выход. Скомандовал взять вёдра и нести на завод.

Патрульные подхватили молоко и понесли на дорогу. Дед Никита поплёлся следом.

— Одному снесём, а на всю деревню нас разве хватит? — ворчал Пономарёв.

Я сам понимал, что не хватит. В Игнатовке двадцать дворов, с каждого по ведру понесут — двадцать вёдер, а когда коровы на траву выйдут, то и все сорок наберутся. А носят либо старики, либо которые с работы придут, усталые. На дорогу их и палкой не повернёшь.

— Пока никого не пускать! — приказал я. — До особого распоряжения. Молочный вопрос выясню в Совете.

И Женя Стрельцов, начальник штаба пионерского патруля, одетый по всей форме, направился в сельсовет выяснять «молочный вопрос».

Председатель сельсовета Ведерников сидел за столом и кру-

тил диск телефона. В трубке часто пикало, отчего председатель сердился.

— Какой болтун висит на телефоне целых полчаса!.. А, Стрельцов! Жалоба, брат, на твою команду есть. Стариков обижаете.

Женя не решился идти к столу, присел на стул у двери.

— Нет,— сказал он председателю,— не обижаем. Мы вежливо не пускаем. А вот как с молоком быть, товарищ Ведерников?

— Вот именно: как быть с молоком? — Председатель кончил вертеть диск и повернулся к посетителю.— Ты, Стрельцов, парень с головой, понимаешь государственный интерес. Давайка посчитаем. В личном пользовании имеется 250 коров. По тысяче литров с каждой продать ничего не стоит. Двести пятьдесят тонн! Цифра, а! А закроете тропинки — половина отпадёт. Свиньям скормят. Разве это дело?

— Не дело,— согласился Женя.— Только денежки за молоко в свой карман кладут, а хлеб топчут колхозный. Я пришёл спросить, что делать?

Председатель сельсовета Иван Николаевич Ведерников насупился: он не любил упрямых посетителей, они отрывали от дела.

— Ишь ты какой учёный. «В свой карман»... Конечно, в свой, в чей же ещё? Но молоко-то государству идёт, народу. Ты, поди, в курсе, что район второй год валит план по молоку.

Женя не был в курсе «молочных проблем», он стоял на своём.

— Я не шибко учёный. Вот Пётр Иванович Горбачёв — учёный. Он нам толковал, сколько хлеба затоптали.

— Знаю, о чём Горбачёв может толковать. Для него выгода — бог. Молиться готов на выгоду. Вызвали бы твоего Горбачёва разок в район да сняли стружку за молоко, как с нас снимают... А, что тебе говорить, мало ты каши ел. В общем так: молоконосы пускай ходят, много не затопчут.

Женя даже привстал, так ему странно было слышать слова председателя.

— Ага, молоконосы пускай ходят, в магазин пускай ходят, в сельсовет пускай ходят... Я товарищу Телегину доложу, что вы дали такой приказ.

— Плохо ты воспитан, Стрельцов. Не умеешь со взрослыми разговаривать. Иди.

Не в духе был председатель сельсовета, потому и сказал так. А это ведь неправда, Женя разговаривал культурно и вежливо.

И вообще все кузьминские в этом отношении воспитанные ребята. Они, например, со взрослыми всегда первыми здороваются и не только со своими однодеревенцами, а со всеми, кто бы ни встретился. В клубе, когда случается кино смотреть, не лезут сломя голову вперёд, чтобы поскорее да получше места занять. Усядутся взрослые, а тогда уж ребята заходят.

Как-то в райцентре слёт пионеров был. Ветераны войны выступали, знатные колхозники, рабочие. Потом в летнем саду большой концерт показывали. Городские ребята живо скамейки позанимали, а пионеры Успенской школы стоят в сторонке, ждут своей очереди. Пожилой мужчина — орденов у него полная грудь — подошёл к нам и спрашивает:

— Что же вы такие несмелые? Наверно, из деревни?

— А что хорошего наперёд старших лезть,— сказал Толя Башкин.

— Вон в чём дело! — удивился ветеран.— Похвально, похвально...

Плохо, конечно, когда вежливость за несмелость принимают, но если настойчивость путают с невоспитанностью, тоже несладко. Не от безделья же явился в Совет Женя Стрельцов, не лично для себя просить чего-то пришёл, он пришёл как начальник штаба, то есть лицо официальное, а поэтому обязан быть настойчивым.

Женя не ушёл, остался сидеть, как и сидел. А чтобы не было скучно, принялся разглядывать плакаты на стене. На одном плакате говорилось, что при утечке газа надо звонить по «04», на другом сулили «Москвич», если купишь билет лотереи ДОСААФ, а на третьем...

Женя глазам не поверил, пока не прочитал подпись под фотографией: «Победитель в областном соревновании пастух-двухтысячник Н. С. Стрельцов».

На плакате были и другие портреты и целый столбец фамилий, но первым значился Женин отец. Против его фамилии стоя-

ла цифра «2085». Столько литров молока дала за лето каждая корова в стаде, которое он пасёт.

«Интересно,— думал Женя,— почему он дома не сказал, что на плакате напечатан? Может, не узнал себя? Он тут не очень похожий: в белой рубахе с галстуком, важный, будто начальник какой».

Между тем у Жениного отца важности и в помине нет. Он простой, обыкновенный человек. Сердиться совсем не умеет. Хотя иногда не мешало бы и построжить сына, у которого оценка по поведению частенько бывает сниженная.

Однажды пришёл Женя из школы и говорит:

— Пап, тебя учительница вызывает.

— Зачем?

— Ну там... ерунда одна... баловались.

— Так что, уши надрать? От этого ума не прибавится. Кабы ты понимал, что отца с матерью позоришь . Да где тебе понять.

Сказал, на том и кончилось. А Женя половину ночи не спал, постигал одно деревенское правило. В Кузьминках, когда хотят похвалить кого-нибудь, говорят: «Весь в отца». Как будто других слов не знают. А разве обязательно быть похожим на кого-то? Разве нельзя быть самому по себе?

Получается, что нельзя. Конечно, стать таким, как отец, неплохо. При встречах с ним шапку снимают, на собраниях в президиум выбирают, в деревне, если что скажет, все слушаются. Отчего такой почёт? Работает хорошо — только и всего. Так и все работают, в Кузьминках лодыря не найдёшь. А вот же говорят: «Все Стрельцовы в родителя». Это, значит, в деда. А деда Женя никогда не видел, он на войне погиб. Интересно получается, человека давно нет, а его все помнят, и мало того, что помнят,— сыновей и внуков по нему оценивают.

За одну ночь, конечно, Женя не постиг этой народной мудрости, но кое-что всё-таки понял, и с месяц поведение его было примерным. А потом забылся — и опять замечание в дневнике.

— Умнеешь, но медленно,— говорил отец.— В твои годы надо бы поскорей.

Такой вот у Жени отец, добрый и уважаемый человек, а по портрету этого не скажешь. На портрете он сильно важный. Наверно, плохой фотограф снимал.

Жене хотелось стащить плакат со стены. Ну зачем он тут повешен? Один товарищ Ведерников и любуется. Кто зайдёт по делу, тому не до плакатов, выяснил, что нужно, и пошёл. Плакаты надо вывешивать в людных местах, чтобы все читали и пример брали с победителей.

— Стрельцов, сядь-ка поближе. Серьёзный разговор есть.

Председателя Совета осенила какая-то мысль. Женя пересел от порога к столу.

— Вот кончишь ты в школу ходить. Что думаешь делать?

— Это когда совсем кончу?

— Не совсем, а нынче. Летом чего будешь делать? Собак по деревне гонять?

Нет, председатель сельсовета определённо не понимал, что перед ним не просто школьник, а командир целого отряда добровольных охранников хлеба. Стрельцов ему напомнил.

— У меня важное дело есть: хлебный патруль.

— Оставим игрушки для малолетних. Или для девчонок, вроде Таньки моей. Пускай забавляются. А ты парень взрослый, в шестой нынче пойдёшь, тринадцать годов тебе. Мы в таком возрасте на быках землю пахали. В Игнатовке один на мине подорвался. Вот, брат, какие времена были... Бери-ка вожжи в руки и айда с бидонами по деревням. За день не меньше трёх целковых заработаешь.

— Это чтобы я молоко собирал?

— Ну да. Посуди сам, в колхозе каждый человек на счету. Сейчас посевная, там сенокос, уборка... Работника не выкроишь. Деды на пенсии, не хотят кости на телегах трясти. Берись, парень. Вся семья Стрельцовых в ударники выйдет. Отца вон на плакате напечатали, мать две группы телят взяла, в газете хвалили. Сын передовым молокосборщиком станет. Честь-то какая!

Что ни говорите, а умеет Иван Николаевич агитировать. Женя заколебался.

— А как же... патруль?

— Вот чудак человек, патруль делу не помеха. На тарантасе едешь — все поля видишь. И работа и контроль сразу.

Никуда не деться Жене Стрельцову от товарища Ведерникова. Нету у него доводов, чтобы отказаться. Но и соглашаться

сразу не хотелось. Взрослые, когда им предлагают новую работу, всегда для виду поломаются. Женя попробовал увести разговор в сторону.

— Подарите плакат про пастухов.

— С полным моим удовольствием. Вчера получили. Свеженький.

Иван Николаевич встал из-за стола, снял плакат со стены, скатал в трубочку и вручил Жене. И вообще он сделался очень любезным.

— Значит, договорились, Стрельцов. Школу кончишь — сразу ко мне. Закрепим за тобой мерина, бричку — и кум королю, сват министру.

— До каникул целый месяц, я подумаю.

— Думай, но не передумывай.— Председатель Совета на прощание пожал Жене руку.

Большое дело — уважение! Стрельцов выходил из сельсовета с головокружением. Все Стрельцовы — ударники! В газетах пишут, на плакатах печатают... Ему представился собственный портрет: дорога, кругом хлеба высокие, на бричке бидоны блестят, а на бидонах он, передовой молокосборщик...

Размечтался Женя и позабыл, что вопроса-то не выяснил. Товарищ Ведерников против, чтобы молоконосов через поля не пускать, ему цифра по молоку нужна, тоже в ударники хочет выйти.

Непонятно это Жене. Везде говорят, что хлеба надо больше, что хлеб — всему голова, а у каждого своё на уме. У товарища Ведерникова все мысли о молоке, с него за молоко «стружку снимают». Дед Никита за деньгой гонится, по два ведра зараз носит. Тётки в магазин за селёдкой бегут, время считают, лишний километр не обойдут. Шофера — те вообще нахалы, каких свет не видывал, только и норовят напрямую да поскорей: у них зарплата с выработки. Каждый свою выгоду блюдёт, а до хлеба, выходит, никому дела нет.

Чем дальше шло время, тем больше портилось у Жени Стрельцова настроение. Командиры постов чуть не каждый день докладывали о новых тропинках и дорогах на полях. И главное — никого не поймать. Будто специально по ночам ходят, когда патруль спит.

И вот чаша переполнилась. Женя не выдержал. Случилось это в последний учебный день.

Проснулся я рано, сел на велосипед и покатил в школу кружной дорогой: решил на поля посмотреть. Только переехал мостик через Шешму, на траве свежий след увидел: кто-то на мотоцикле катил. Подумал, что рыбаки из города, весной они часто сетками по омутам шастают. Поехал по следу и скоро на краю озимого поля увидел знакомый «Урал», а за ним спиной ко мне стоял бригадир Телегин.

Было в его спине что-то не похожее на Телегина. Как будто потерял что и не может вспомнить, где и когда.

Я остановился сзади и тихо сказал:

— Здравствуйте, товарищ Телегин.

Он обернулся, поглядел на меня рассеянно и говорит:

— Здравствуй, товарищ Стрельцов,— и руку подал, крепкую, как железо.

Мои пальцы так и хрустнули. Я даже присел.

— Ну и жмёте вы!

— Привыкай, брат. Мужик крепким должен быть, никакой беде не поддаваться.

— А у вас беда?

— Беда, Стрельцов. Пропадает пшеница. Азота бы ей сейчас центнера три-четыре, а где взять? Дают с гулькин нос. А я не волшебник, не умею из ничего хлеб делать.

На мой взгляд, пшеница была как пшеница, ровная, зелёная, без проплешин, и я сказал:

— Пудов сто уродит.

— Сто пудов — это шестнадцать центнеров. Пустяк. «Мироновская» сорок должна давать.

— Ого!

— Что «ого»? Люди получают, а мы — хуже?

Я решил поделиться своими мыслями.

— Товарищ Телегин, может, у людей не ходят и не ездят по полям где попало? Я никак не могу понять, почему у нас такой... ну, беспорядок?

Он нахмурился и долго молчал. Потом спрашивает:

— Ты чего в такую рань катаешься?

— В объезд выехал.

— Ага, забота, значит, спать не даёт. Мне — тоже. Вот и ответ на вопрос. Понял?

Чего ж тут непонятного? Если бы у каждого была забота... А почему её нет?

Худо как-то на душе стало.

В школу я приехал злой. Тут ещё Башкин привязался, почему его не подождал. Привык, чтобы за ним заходили и с постели поднимали.

Потом на уроке русского языка гоняли меня по грамматике. Последний школьный день — это не занятия, а подчистки. У кого сомнительная оценка, того гоняют по всей программе. По мне было сомнение между тройкой и четвёркой. Хотели вытянуть на четвёрку, а я не вытянул и ещё больше распсиховался.

В таком настроении и пошёл на комитет комсомола. Штаб патруля вызвали с отчётом. Мне — первое слово.

— Расскажи, Стрельцов, о проделанной работе.

Ничего не могу сказать, хоть убейте. Заскочило что-то в голове, ни взад ни вперёд. Танька шепчет:

— Щиты на тропинках ставили .. Объезды делали...

Ну чего подсказывает, без неё не знаю, что ли? «Щиты»... Доски зря портили. Ноль внимания на них.

— Что же ты, Стрельцов? — спрашивает Анна Васильевна.— Боевой парень — и растерялся.

Мне привиделась понурая спина Телегина.

— Не растерялся я,— говорю,— а дело это пустое. Лучше бы азота дали. Пшеница никудышная.

На комитете Тамара Зорина сидела, счетоводка, от колхозных комсомольцев. Она стала меня утешать:

— Напрасно так говоришь, Женечка. О патруле очень хорошо отзываются колхозники. И по посевам остерегаются ходить...

Никакого отчёта у меня не получилось. Другие что-то говорили, докладывали. Под конец нас даже похвалили. Но мне всё равно было худо.

После заседания на меня накинулись ребята. Особенно Башкин разошёлся, орёт на всю улицу:



— Снять Стрельцова с начальников! Проголосуем — и долой!

Танька Ведерникова — в защиту:

— Мальчики, не нападайте на Женьку. Он ещё не научился хорошо отчитываться.

Ах так! Не научился? Кричу:

— И снимайте! Вот вам хомут и дуга, я вам больше не слуга.

И пошёл. Иду и насвистываю: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...» Сзади шум, гам. Наплевать, хоть передеритесь!

Заявился в сельсовет и — к товарищу Ведерникову.

— Занятия кончились, давайте коня и бричку.

Председатель улыбается, руки потирает.

— Уважаю деловых людей, товарищ Стрельцов.— И сел писать записку: «Бригадиру кузьминской бригады. Выделите в распоряжение тов. Стрельцова Е. Н. . .» Ну, и так далее.

На что мне патруль, если я теперь и Телегину и Ведерникову — то-ва-рищ! Играй, Башкин, на здоровье в игрушки. Они для малолетних придуманы. А я человек деловой...

3

Покатилась жизнь, как телега по ровной дороге. Поднимается Женя вместе с солнцем и бежит в табун за конём.

Мерин скачет навстречу хозяину. Женя протягивает кусок посоленного хлеба и, пока конь жуёт, надевает на него узду, снимает пу́та[1] и взбирается на широкую гладкую спину. За многие века безупречной службы конь привык, что все его радости от человека: и сытный корм, и тёплый хлев, и ласка загрубелой ладони, и протяжная песня в дальней дороге. Без человека коню скучно.

Может, потому и скачет Воронко навстречу Жене, тянет тёплые, мягкие губы к его руке, пахнущей хлебом, и трётся головой о его плечо, что вернул ему этот мальчуган радость служить человеку. Может, потому и прядает ушами и рвётся в галоп, заслышав звонкую песню мальчишки «Не плачь, девчонка,

[1] Пута или путы — верёвка для спутывания ног скота при пастьбе.

пройдут дожди...», что никогда не слыхал боевых солдатских песен, как его предки.

А Женя? Что испытывал он, взбираясь на высокую крутую спину коня? В нём просыпалась неумирающая страсть к борьбе и преодолению. Он пригибался к вытянутой, как стрела, конской шее — и воздух спружинивался перед ним, ветром набивался в рот, колючим холодом лез под рубаху, и земля бежала назад бесконечным зелёным ковром, и сердце просило чего-то необыкновенного. Оно просило острую саблю в руки, да знамя, бьющееся на ветру, да тревожную песню трубы: та-та-та... та-та-аа...

А полчаса спустя, заложив лёгкую рессорную тележку, он мчался со стуком-громом по деревням и кричал во всю глотку: «Мала-ко продава-ать!» К нему бежали, торопились с вёдрами, нахваливали: «Ах, молодец, парень, не проспит, не опоздает. Облегчение-то какое, бабы!» И Женя испытывал другое чувство: вот какой он нужный, его ждут, без него не обойдутся. Это очень и очень поднимало настроение и помогало забывать обиду на ребят, особенно на Толю Башкина.

После ссоры они не виделись целую неделю. Встретились неожиданно, нос к носу. Толя нёс воду, два ведра в руках, и остановился передохнуть. Вдруг из-за угла выходит Стрельцов, коня в поводу ведёт.

— Хм,— сказал Башкин,— работничек...

— Да уж как-нибудь,— сказал Стрельцов.

— Ну и что?

— А ничего.

— Подумаешь... Деньги лопатой загребает.

— Три целковых в день. Самое малое.

Конь потянулся к ведру, Башкин пнул его ногой.

— Куда, зараза! Проси у хозяина... Ладно, Стрелец, поглядим. На деньги почёта не купишь.

— Ха, ха,— засмеялся Женя.— На деньги, Башка, всё купишь.

Смеяться-то он смеялся, а всё же неприятно от упрёка стало. Но и это забылось. Работа всё заглушает: и обиду и упрёки.

Прошло ещё два дня. И случилось в эти два дня два события. Первое — разговор с бабкой Дарьей.

Сбор молока Женя начинал с Игнатовки. В то утро, подняв-

нись на пригорок, он увидел, как над крайним огородом играет на солнце длинная серебристая паутина. Это очень удивило Женю. Осенью бы другое дело. Осенью паутин летает видимо-невидимо. А сейчас откуда ей взяться?

Подъехал ближе и понял, что никакая это не паутина, а согнувшаяся клюкой бабка Дарья огораживает усадьбу алюминиевой проволокой. Обычно в деревнях изгороди делают из жердей, чтобы скотина не зашла в огород и потравы не сделала. А бабка Дарья захотела отличиться: украшает огород серебристой паутиной.

— Красивая огорожа! — подивился Женя.— Так и играет.

Бабка засмеялась беззубым ртом:

— Это, родимый, не краса играет, а вдовья доля плачет.

— Как это?

— А так. Попервости война расщедрилась: целые возы колючки оставила — городите, бабы, огороды. Мужики тёсаную огорожу ставили, а бабы колючкой оплетали. Да бог бы с ней, не всё ли равно, чем городить, только сржавела проволока. На наше счастье, трификацию в деревню провели, кусков везде набросали. Вот и пригодилось. Красиво, говоришь?

— Красиво,— сказал Женя,— а только, бабушка Дарья, вашу огорожу любая овца повалит.

— Ау, милай. По Сеньке, сказано, и шапка.

Если бы бабка Дарья ворчала или бранила людей, что забыли о ней на старости лет, может, Жене и не стало бы так жалко её. Она же не только не ворчит и не бранится, а ещё и улыбается, подшучивает над своей старческой неумелостью.

«Отчего это так,— думал Женя,— везде много говорят, что люди должны помогать друг другу, а на деле не очень-то торопятся. Конечно, соседи не отказывают, когда попросишь, но всё равно за спасибо ничего не сделают. В прошлом году мы свою старую избу подрубали. Отец три раза толоќу[1] собирал. Потом угощение было, стол от еды ломился. Но это платой не считается, это называется просто благодарность. Мамка сказала, что на такую благодарность ей надо на телятнике месяц спину гнуть, плотники дешевле взяли бы. А отец спросил,

---

[1] Толока́ — работа миром (сообща) для кого-нибудь.

где она видела, чтобы за спасибо помогали. Я тоже не видел. Понадобился мне, например, подшипник, так Башкин такую трубку содрал! А разве нельзя помочь человеку просто так, от чистого сердца? Руки не отвалятся, и не обеднеешь».

На такие вот мысли навёл Женю Стрельцова разговор с бабкой Дарьей. И они уже не давали ему покоя...

Второе событие, случившееся назавтра, совсем выбило Женю из колеи и нарушило спокойную жизнь.

В тот день я маленько припоздал: кони далеко паслись. В Игнатовке и Бубнове хозяйки коров уже подоили и ушли на работу, я собрал всего один бидон. Рысью погнал в Колесниково. Там ещё ждали. Женщины с вёдрами стояли у избы-читальни, разглядывали что-то на стене и смеялись. Настя-доярка заливалась громче всех.

— Пузо-то у Арсения, бабоньки! А у коня на морде мешок с пшеницей. Охо-хо-хо!

Тётка Маня, пенсионерка, головой качала:

— Осрамили человека. Проходу не дадут.

— Ну прямо, осрамили! Как с гуся вода.

— Девки, кто ж такой Врива? — спрашивала баба Груня.— Башкиных-то всех знаю, нету в ихнем роду Врива.

— Наверно, Грива. Григорий сокращённо.

— Нету Григория. Анисим есть, Миколай есть...

Я принимал молоко как попало. Мне было невтерпёж. Я хорошо видел на стене белый листок с крупным заголовком — «молния». Но при чём тут Башкин, да ещё Врива какой-то?

Как назло, бабе Груне вздумалось итог подбить. Потребовала доложить, сколько литров она сдала и сколько денег причитается. Я заторопился, уронил с телеги тетрадку, вывалял в пыли.

— Завтра скажу, бабушка Аграфена, а то на завод опоздаю! — взмолился я.

Она — ни в какую, считай — и всё тут. Приспичило ей! А умножение с десятыми, попробуй быстро сосчитать. Литр молока стоит девятнадцать и две десятых копейки. Уф-ф, вот

устроила экзамен старая! На полтинник всё-таки ошибся, пришлось потом извиняться.

Кое-как отбоярился и скорее «молнию» читать. Там было написано:

Дядька Арсений, зайдите в правление,
держите ответ:
почему пшеница утром была,
а к вечеру нет?

Под стишком нарисована карикатура: толстый мужик храпит на телеге, под головой почтовая сумка с газетами. Конь с мешком на морде, на котором написано «пшеница, 50 кг», бродит по хлебу.

Всё ясно: конь спящего почтальона дядьки Арсения потравил пшеницу, наш патруль увидел и написал «молнию». Не ясна была подпись: «Врио Башкин». Что за врива такая? Может, новую должность в штабе выдумали? Вроде писаря, как в армии. Так и называли бы по-русски: писарь Башкин. Чего людей в заблуждение вводить?

Сильная досада меня взяла. Пока ехал до завода, всякой всячины надумался. Я, как дед-пенсионер, на бидонах дремлю, а ребята потравщиков ловят, «молнии» рисуют. В засады, наверно, ходят, шофёров-лихачей засекают. Товарищ Телегин патрульным руку жмёт, благодарность выносит... Нехорошо получилось! А всё Башкин. Раскричался: «Снять Стрельцова! Долой с начальников!» Не видел, что человек не в настроении? Друг называется! Ну погоди, Башка, я сниму с тебя допрос! Попляшешь!

Расстроенный, вернулся я домой. Сам коня в табун не повёл, попросил Славку соседского. Не заходя в избу, побежал Башку разыскивать. Он дома был. Сидел за столом, макароны с мясом уплетал. Я — ни поклона, ни привета, с ходу кричу:

— Ты кто такой? Врива или врун? Кто тебе присвоил дурацкое звание?

Я кричу, а у него уши вверх-вниз, вверх-вниз — лопает макароны, хоть бы что. Наелся, тарелку отодвинул и полотенцем рот вытирает — нарочно рисуется, чтобы меня подразнить.

Я схватил с гвоздя тряпку да как шмякну об стол. Так мака-

роны и брызнули. А его, дурачка, смех схватил, аж давится.

— Ха-ха-ха, врива! Пентюх необразованный. Не врива, а врио. Моли бога за Таньку, не дала тебя снять. Анне Васильевне пожаловалась.

— Ну и что? Не ты меня ставил, чтобы снимать.

— А кто кричал: «Вот вам хомут и дуга, я вам больше не слуга»? Пушкин, да? Бросил штаб, за деньгами погнался. Дезертир, вот ты кто!

Я маленько остыл.

— Ладно, потом разберёмся, кому молиться. Объясни, какое звание тебе дали?

— Ничего мне не дали. Врио — это временно исполняющий обязанности. Пока начальник гуляет, его заместитель так подписывается.

Я сел к столу и попросил макарон.

— Не обедал сегодня. Из-за тебя, врива такого...

Вкусные были в тот день у Башкиных макароны...

Так они и помирились, два приятеля из деревни Кузьминки. И всё пошло как у людей: и дела, и забавы.

Однажды Стрельцов сказал Башкину:

— Даю тебе особое задание. Иди за Игнатовку в лес и наруби жердин. Когда нарубишь, доложишь. Я на коне приеду.

— Есть, товарищ начальник! Только объясни, зачем жердины?

— Придёт время — узнаешь.

— Извиняюсь, полководец Суворов говорил, что каждый солдат должен знать свой манёвр. Если объяснишь манёвр, я тебе тоже объясню: ерунду надумал — загораживать дороги.

— Не валяй дурака, а выполняй особое задание. Сказано: потом объясню.

— Слушаюсь. Но всё равно не по-товарищески.

Женя и сам понимал, что так будет не по-товарищески, но что-то мешало ему сказать правду. Может быть, не надеялся на Башкина? Ведь Толе ничего не стоило под каким-нибудь предлогом увильнуть, а то и на смех поднять. Пускай лучше думает, что начальник штаба свихнулся, хочет все дороги загородить жердями.

Скоро Башкин доложил, что особое задание выполнено. Стрельцов как раз с завода возвратился, коня не стал выпрягать, они сняли пустые бидоны, кинули на телегу топор и верёвку и поехали. В лесу пели птицы, в недалёкой бочажине охали и стонали лягухи, лёгкий ветерок качал на полянах травы.

— Грибы скоро начнутся,— сказал Женя.— Колосовики.

— Грибы — что, а вот на ночную рыбалку так и не сходили,— ответил Толя, и в голосе его явно прозвучал упрёк: из-за тебя, мол. Связался с этим молоком.

— Ужо сходим,— пообещал Женя.— Кончим бабкину огорожу и сходим.

— Чего? Какую огорожу?

— Ну, это... Сам понимаешь... вот слушай: было у неё три сына, дочка и хозяин. Всех на войне убили, один младший остался, ему двенадцать годов было. Как нам с тобой. Когда фашистов прогнали, он на быках поехал поле пахать. А там мина была противотанковая,— быков аж на куски... Вот и всё.

— А его? Сына?

— Его тоже. Бабка и живёт одна. Даже огорожу некому поставить.

— Ну и дурак!

— Кто?

— Ты, вот кто! Не мог сразу сказать, да? Думал, откажусь, да? Никакой ты не товарищ!

Обиженный, Толя соскочил с телеги и отвернулся. Женя остановил коня и подождал, пока Башкин немного остынет.

— Ну чего ты? Хочешь, чтобы на колени стал? Не стану. А прощения могу попросить. Доволен? Садись и показывай, где жердины рубил.

Толя засмеялся:

— Ладно. Если по правде, может, и отказался бы. Колхозный хлеб — одно, а бабка — другое.

Они положили жердины на телегу, стянули воз верёвкой и поволокли волоком.

Не простая работа — изгородь ставить! Хитрого, правда, ничего нет, однако попотеешь. Особенно трудно колья вбивать: земля засохла, колотишь-колотишь обухом — кол даже размочалится, а войдёт на вершок.





— Ффу-у! — вздохнул Женя, вытирая лоб подолом рубахи. — Хоть бы бабка глазуньей угостила, я сегодня не евши.

Бабка Дарья будто услышала, появилась на огороде, всплеснула руками:

— Ах вы желанные! Ах мои милые! И как же вы надумали, касатики. Вот радость-то старой! Отбою от скотины нет, огород мой крайний...

Бабка не знала, за что взяться: то жердину волокёт, то перевясло станет крутить, а сил-то нету, запыхалась, закашлялась — отойти не может. Толя сначала посмеивался над бабкиной неумелостью, потом, видно, устыдился, говорит:

— Бабушка, мы сами сделаем, ты лучше командуй, где не так.

— Всё так, всё так, родимый. Больно хорошо. Чей же будешь? Стрельцова-то знаю, его теперь вся деревня знает, такой забочий. А тебя не видела.

— Я — Башкин.

— Анисима-лесника сынок? Ну как же, знаю Анисима. С моим Ванюшкой, царство ему небесное, одногодки. В одной землянке ютились, корку хлеба делили... Ах, голова моя беспамятная, покормить же вас надо. Сейчас, сейчас сгоношу. Я быстренько...

Бабка Дарья засеменила к ветхой, крытой соломой избушке в два оконца. Ребята с ещё большим усердием продолжали работу. Конь, оставленный на гуменниках, позвякивал уздечкой — щипал траву. Белые облака кучились на небе, и прохладные тени от них медленно двигались по пожням. Славный выдался денёк, и на душе у ребят было так же светло и радостно, как на их мирной земле, на которой давно запаханы все воронки и траншеи, так давно, что Толя с Женей и не видели их вовсе.

За обедом бабка Дарья опять воздавала хвалу работникам.

— Счастливые родители, у которых такие добрые детки, пошли им господь здоровья.

Ребята чувствовали себя неловко: на их долю так редко выпадала похвала.

Потом бабка, изобразив всеми морщинами лица таинственность, выволокла из-под лавки сундук с сокровищами. То был потемневший зелёный ящик с верёвочными ручками по бокам

и с красным облупившимся кружком на крышке. А в ящике...

В ящике лежали четырёхгранные тронутые ржавчиной штыки, рубчатые рубашки гранат, алюминиевые грубо сделанные гребёнки для волос, коробочки из плексигласа, патронные гильзы, латунные пластины и всякая всячина.

— Огниво,— сказала бабка, взяв трубку с обгорелым веревочным обрывком.— Огонь вздувать. Железкой по камню ударишь, искра на трут попадёт, загорится, подставляй лучинку и раздувай. Так печки и растапливали.

— Жень,— сказал восхищённый Толя,— это же «катюша»! Солдаты носили — прикуривать.

— Так, так,— согласилась бабка.— Прикуривать. Заместо спичек. Берите, мои милые. Всё берите. От сыночка осталось. Он у меня умелец был. Гребёнки бабам дарил. Ить косы нечем было расчесать. «Катюши» эти самые. Ножики. Ложки клепал. Жить, считай, заново начинали...

Это была такая награда, о какой ребята и подумать не могли. С благоговейным молчанием тащили они ящик к подводе, аккуратно поставили на телегу. Женя подтянул чересседельник, взял вожжи в руки и, не садясь, пошёл рядом с телегой, словно вёз он не ящик с железками, а хрупкий драгоценный сосуд. Толя шёл с другого бока, придерживая ящик рукой. В молчании поднялись они на пригорок, и когда перед взором ребят открылась зеленеющая ширь полей, берёзовые рощицы, белые шиферные крыши деревень, проглядывающие сквозь тёмную листву садов, высокое небо с кучевыми облаками, Женя остановил коня и тихо сказал:

— Если бы его не убило, он стал бы трактористом и пахал это поле. И мы охраняли бы его хлеб. Давай отдадим ящик в школьный музей.

— Ага,— шёпотом произнёс Толя.— Пускай все смотрят.

— А ещё,— продолжал Женя,— портрет нарисовать. Картину такую во всю стену: он за плугом идёт и вдруг огонь... Кто от мины на поле погиб, это тоже солдат.

— Портрет не сделать,— вздохнул Толя.— Это теперь старых и малых снимают, а тогда карточек не было.

— Мало ли что! Можно по словам нарисовать. Я читал в книжке, как шпионов по словесному портрету ловят. Расскажут,

какой нос, глаза, подбородок, уши — и готово. Похожих людей почти не бывает.

— А кто нарисует? Кабы художник был...

— А кто дядьку Арсения на «молнию» рисовал? Похожий получился.

— Тю! Нашёл художницу. Ведёркина малевала.

Женя ничего в ответ не сказал, тронул коня, и они опять пошли рядом с телегой...

Спустя несколько дней до ребят дошла удивительная новость. Принёс её Витька Демидов, патрульный шестого поста. Дед Никита с бабкой Дарьей задержали на ячменном поле доярок.

С наступлением жары правление колхоза разрешило косить молодые клевера для подкормки коров. Игнатовские доярки недолго думая проложили тележную дорогу к ферме через ячмень. Раз проехали, другой, а на третий их остановили дед Никита с бабкой Дарьей и велели поворачивать назад.

Витька рассказывал, как шумел дед на доярок.

— Что же вы, бесстыжие, вытворяете? Малая ребятня плакатов наставила, к совести взывает, а вы зажмуривши ездите?..

Тётя Шура, жена дяди Юры,— она агрономом в колхозе — потом, смеясь, говорила Жене:

— Жень, записал бы стариков в пионерский патруль.

— А почему они, тёть Шур, такие сознательные стали?

Тётя Шура только руками развела:

— А, Женечка! Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.— И добавила: — Добрые дела, выходит, не пропадают.

И совсем уж, как снег на голову, на Женю Стрельцова свалилась слава: о нём написала районная газета.

Газету мне Башкин притащил. Только я коня выпряг — бежит, газетой размахивает и орёт на всю улицу:

— Ура-а передовикам! Слава труженикам молочного фронта!

— Тебя собака укусила, что ли?

— Пляши, Стрелец! Не то жалобу напишу!

Я вытянул горластого Башку вожжами по спине, он сделал мне подножку, и я сунулся коню в ноги. Конь мотнул головой и фыркнул с обеих ноздрей прямо Тольке в лицо.

— Заступается за хозяина! — плевался сердито Башкин, вытираясь рукавом.— На, читай, знатный молокосборщик!

Я схватил газету.

«В Успенском сельсовете передовым молокосборщиком является пионер Женя Стрельцов. Когда кончились занятия в школе, он пришёл в сельсовет и сказал: «Хочу помогать родному колхозу». Бригадир выделил сознательному пионеру коня и бричку.

Каждое утро Женя Стрельцов объезжает деревни: Игнатовку, Бубново, Колесниково. За месяц он собрал и доставил на завод пять с половиной тонн молока».

Под заметкой стояла подпись председателя сельсовета Ведерникова.

За такую новость я позволил Башкину отвести коня в табун. Он ускакал, а я вошёл в избу и два раза перечитал заметку. Потом спрятал её в портфель, пообедал и... опять достал газету.

Никогда в жизни не видел свою фамилию, написанную печатными буквами. Она была такой непривычной, что казалась чужой. Если бы не назвали моё имя, подумал бы, что это про отца пишут или про дядю Юру.

Прочитав заметку, наверно, раз десять, я немножко привык к своей печатной фамилии, и тогда у меня появилось совсем нахальное желание: захотелось увидеть в газете свой портрет.

Когда товарищ Ведерников подарил плакат, на котором был мой отец, пастух-двухтысячник, я принёс его домой и приклеил на стенку. А через некоторое время туда же поместил и заметку из газеты, в которой хвалили мать за то, что она взялась выращивать две группы телят. Теперь настала моя очередь.

Я взял ножницы, аккуратно вырезал заметку и наклеил рядом. Получилось очень здорово. Председатель сельсовета правильно говорил, что все Стрельцовы станут ударниками. Пожалуйста, заходите и любуйтесь. В Кузьминках, это я точно знаю, ещё ни одной такой семьи нет, чтобы всех печатными буквами писали.

Глядел я, глядел на разукрашенную заметками стену, и вдруг пришла мне одна мысль. Сначала она была какая-то туманная, даже не совсем понял, о чём подумал. А потом мысль постепенно прояснилась. Собираю я, значит, молоко, дело нужное, и меня хвалят. Но патруль-то я бросил, за меня Башкин старался. Он, может, целую тонну колхозного хлеба за это время уберёг от потрав, но для товарища Ведерникова это игрушки, детская забава, и про Башкина он заметок в газету не подаёт. А это несправедливо.

Когда я пришёл к такому выводу, меня охватила лихорадка. Я начал строчить заметку. За грамматикой уж не следил, только бы скорее написать, чтобы мысль из головы не выскочила. Научен горьким опытом. За школьные сочинения мне больше «тройки» не ставят. Учительница говорит: «У тебя, Стрельцов, мысли вразброд, одна на ярмарку, другая с ярмарки. Не умеешь сосредоточиться». Может быть, и так, спорить не буду.

Исписал целых два листа, свернул и — в конверт. На велосипед вскочил и помчался в Успенское, на почту. Если сразу не довести дело до конца, потом что-нибудь отвлечёт, забудешь, и про Толю Башкина никто знать не будет.

Только опустил письмо в ящик, гляжу — председатель Совета идёт.

— Здравствуй, Стрельцов,— говорит он.— Я вон тебя через газету похвалил, старайся. Глядишь, премия нам с тобой отколется.

— Я стараюсь, товарищ Ведерников,— отвечаю ему.— Только без выходных плохо. Эксплуатация получается.

— Ха-ха, значит, я, по-твоему, эксплуататор? Чудак человек, это называется сезонная работа. Три месяца работаешь, девять на печке лежишь, тараканов давишь.

Весёлый человек, товарищ Ведерников! Раз смеётся, значит, план по молоку перестал «валиться». Но мне-то от этого не легче. Говорю:

— Тараканов давить мне не выходит, в школу надо ходить. А с вашим молоком даже на ночную рыбалку не выбраться.

— Из всякого положения, Стрельцов, есть выход. Один раз утром собирай, другой раз вечером. И рыбачь себе на здоровье.

— А можно?

— Отчего же нельзя? Предупреди народ, чтобы знали. Всё складывается — лучше не придумаешь. Завтра утром за молоком не поеду, всю ночь и ещё полдня можно на реке торчать. Умный у нас председатель Совета!

Я оседлал велосипед и, насвистывая, покатил по улице. Что-то меня толкало и подзуживало проехать обязательно мимо школы. Можно бы низами, по тропинке, это гораздо короче, но меня понесло вдоль улицы. И чуть не наехал на Анну Васильевну. Директор школы обходила с плотниками школу и показывала, где и что ремонтировать.

— Женя, постой! — окликнула Анна Васильевна.

«Не было печали... Сейчас что-нибудь поручит».

Она отпустила плотников и спрашивает:

— Ну, так ты вышел на работу, Стрельцов?

Я сразу понял, что она про патруль говорит, и покраснел как рак.

— Ничего, бывает. Зайди в пионерскую комнату, погляди. Ребята дневник оформляют, неудобно всё-таки без начальника штаба.

Мне, конечно, интересно было узнать, чего такого ребята написали в дневнике, и я уже собрался прислонить велосипед и войти в калитку, но вдруг увидел в окне Таньку Ведерникову. Она глядела на меня и улыбалась. Если бы она не улыбалась, я, может, и зашёл бы. Но мне показалось, что неспроста она так сияет, а слышала, как Анна Васильевна подшутила надо мной, и вот ехидничает.

— У меня конь не распряжён, на придворке стоит,— придумал я отговорку.— В следующий раз зайду, Анна Васильевна. До свидания.

И закрутил педали, только пыль из-под колёс. «Ну погоди, Ведёркина, посмеёшься! Прочитаешь мою заметку в газете — подожмёшь губки. Я так расписал Тольку Башкина, что позавидуете».

Грозил я Таньке-зазнайке, а радости отчего-то не испытывал. Даже, наоборот, скучно стало. Если правду говорил Башкин, то именно она, Танька, заступилась за меня и не позволила снять с начальника штаба. Может, и сейчас она не ехидничала, а рада

была, что наконец-то я появился на горизонте. И если по справедливости, то надо было в заметку и Таньку Ведерникову вписать. Да и другие ребята чего-то делали. А я одного приятеля расхвалил. Хоть назад возвращайся и обратно письмо забирай. А как его из ящика заберёшь?

Совсем ненормальный стал. Совесть какая-то появилась. Раньше не было, а теперь точит, как червяк. Наверно, потому, что мою фамилию печатными буквами написали.

Вот что наделал председатель сельсовета своей заметкой.

4

Катилось красное лето. Всё выше поднималось солнце, описывая по небосводу дугу в три четверти горизонта. Но однажды невидимые небесные кузнецы приковали концы солнечной дуги: с одного конца к старой берёзе над Митиным омутом, с другого — к разбитой молнией сосне в лесу за Игнатовкой, и солнце три дня ходило на привязи. Потом жаром своим растопило заклёпки и двинулось назад — день сократился на воробьиный шаг.

Выколосилась и зацвела рожь, на полянах созрела земляника. При виде рубиновых капелек в сочной зелёной траве Женя не выдерживал искушения, спрыгивал с телеги и, рискуя опоздать к утренней дойке коров, ползал по росистым косогорам.

В один из последних июньских дней его позвали в контору молокозавода и велели расписаться в получении зарплаты. Он получил шестьдесят семь рублей сорок две копейки. Первые трудовые деньги! Женя не знал, куда их положить. Сначала сунул в карман штанов, но побоялся, что на каком-нибудь ухабе выскользнут, и переложил за рубаху. За рубахой тоже было не надёжно, и он ничего больше не придумал, как опустить деньги в пустой бидон, на котором сидел.

Дома всё до копейки отдал матери, сказав при этом как можно равнодушнее:

— Получку получил. Прибери куда-нибудь.

Мать улыбнулась и сказала:

— Не бедно живём, распорядись сам. Купи себе чего-нибудь.

— Ну чего я куплю? Всё есть. Может, отцу табаку, смалит по пачке в день?

— Можно и табаку,— опять улыбнулась мать.— А себе музыку какую-нибудь, теперь модно. Вон дачники, повесят через плечо и наслаждаются.

— Во, сказанула! Буду на ерунду тратиться! Кабы фотоаппарат, он для дела нужен.

— Ну что ж, купи аппарат.

После обеда Женя пригласил Башкина, и они покатили на велосипеде в районный центр за восемь километров. Обошли все магазины, наелись вдоволь мороженого, по бутылке лимонаду выдули и опять пошли по магазинам, всё не решаясь тратиться по-серьёзному. Жалко было денег. Вот лежат они в кармане, зашпиленные булавкой, увесистой такой пачкой лежат, и приятно чувствовать, как оттягивают карман. Всё в твоей власти. Хочешь в кино иди и смотри хоть десять сеансов подряд, хочешь котлеты в столовке закажи, официантка принесёт и скажет: «Пожалуйста, молодые люди», а хочешь — стой у прилавка, вели показать то одно, то другое, и тебе будут показывать, объяснять, что вещь надёжная, очень нужная, покупают нарасхват... Словом, ты хозяин положения, твоё желание — закон, ты — вполне самостоятельный человек. А как только потратишься, как опустеет карман, так и всесильность твоя куда-то исчезнет, словно позабудешь вдруг волшебное заклинание.

Жене не хотелось расставаться с чувством всесильной уверенности, но... покупать всё-таки надо было. На то и деньги. В культмаге они выбрали фотоаппарат «Смену», прикупили ещё плёнки, кассет, бумаги, ещё бачок и красный фонарь. На увеличитель пока не стали тратиться, решили, что можно пользоваться школьным. Потом Женя купил пять пачек трубочного табаку отцу и флакон дорогих духов матери. Себе на дорогу набили карманы пряниками, конфетами, мармеладом. Через каждый километр они присаживались где-нибудь на бугорке и опустошали кульки, пока не наелись до тошноты.

— Фотоаппарат ты здорово придумал,— говорил приятелю Башкин.— Можно потравщиков снимать на карточки. Карточка — это документ, не отвертится, в случае чего.

— Потравщики само собой,— отвечал Женя.— Я хочу Телегина снять и всю его бригаду. Когда трактор нам будут вручать, все портреты в школе повешу.

— Я тоже заработаю на аппарат,— сказал Толя.— Как начнут хлеб убирать, пойду на ток зерно лопатить. Хорошо можно заработать.

— Ага! Меня упрекал деньгами, а сам? — засмеялся довольный Женя.— У самого тоже загорелось.

— Ничего не загорелось. Просто, когда хлеб убирают, людей не хватает.

Женя пощадил самолюбие друга, смеяться не стал и сказал:

— Я, пожалуй, тоже помогу. Патрулю делать нечего будет.

Но до уборки было далеко, хлеба только зацветали, и они нуждались в особенно бдительной охране: из городов валом повалили туристы и отдыхающие, грибники и рыболовы, пешие и на колёсах. А на полях сторожей нет...

Утром я, как всегда, отправился собирать молоко. Ехал мимо Башкиных, постучал кнутовищем в окно:

— Пробуждайся, «врива», хватит дрыхнуть!

Ни звука. Спит мой заместитель как пеньку продавши.

Мост через Шешму переехал, остановился на пшеницу поглазеть. Вымахала пшеничка, зацвела, наверно, раздобыл-таки Телегин аммиачки. Отрадно!

Наперерез мне выкатился «Беларусь» с косилкой-измельчителем на прицепе. На ухабах косилка кланялась длинным хоботом, как слон в цирке. Дядя Юра поехал косить клевер на силос. Я помахал рукой, он — тоже. Приятно рабочим людям встретиться спозаранок!

Только поднялся на пригорок — ба, принцесса стоит! Платье голубое, пилотка алая, сапожки чёрные, блестящие. Кто ж такая?

— Садись, барышня, прокачу. Пятачок с версты беру.

Обернулась — глазам не верю: Ведёркина! И эту заботы чуть свет подняли.

— Ты чего тут делаешь?

— По грибы ходила и поля глядела.

Правда: у ног корзина стоит, мокрым папоротником прикрыта.

— Покажи, чего нашла.

— Одни подберёзовики. Белых ещё нет.

У Таньки на бровях капельки росы блестят, к пилотке паутинка прицепилась, тоже блестит, как ниточка серебряная. Ей-богу, принцесса из лесу вышла.

— Садись, подвезу. А хочешь, поедем молоко собирать.

Я принял корзину и заглянул под листья. Поверх грибов лежала тетрадка.

— Записываешь, кто потраву сделал?

— Подай руку. Не влезть.

— Извиняюсь, сударыня. Карета неисправна, пришлось телегу заложить.

— Болтаешь, что на ум придёт.

Мне стало совсем весело. Расстелил на бидонах фуфайку, мы уселись и покатили. Я коня подстёгиваю. Танька головой по сторонам вертит.

— Как интересно, Жень! Далеко-далеко видать. Ты не смейся, я ни разу на телеге не ездила. На машине ездила, а на телеге не ездила. Из машины только бурьян по канавам видать.

— Век техники,— сказал я важно.— Скоро пешком совсем ходить не будем.

— И плохо,— сказала она.— Ничего не увидим... Знаешь, что у меня в тетрадке? Про пшеничное поле. Хочешь, почитаю?

— Валяй.

Про пшеничное интересно. Посмотрим, что она увидела на поле такого, чего не вижу я и чего не видит Телегин.

Танька полистала тетрадку и, взглядывая на меня, стала читать про пшеничное поле.

— «Выколосилась и зацвела пшеница. Стоит зелёной стеной, понизу белая, в середине, где густ и сочен лист, тёмная, а сверху, по колосу, с лёгкой желтинкой.

Особенно хорошо пшеничное поле росным утром. Каждое растение, словно в тончайшем серебряном окладе, так и искрится. Меж колосьев паучки свои кружевные гамаки на

ночь развесили. Роса на паутинках малюсенькими капельками осела, глянешь против солнца — дивным узором вышито поле.

Днём, когда солнце поднимется высоко и высушит росу, прилетает на поле ветер и качает колосья. Ветер не просто забавляется, а работает. Зелёные бутончики на колосе приоткроются и выбросят по три жёлтенькие тычинки. Ветер опыляет пшеничное поле.

Вечером низкое солнце освещает хлебную стену мягким светом, и пшеница купается в его ласковых лучах.

Солнце, роса и ветер помогают человеку вырастить большой хлеб. Они же делают поле красивым. Не будь этой красоты, наверно, скучен был бы труд пахаря...»

Вот вам и Ведёркина, возьмите её за рубль двадцать! Как она всё это высмотрела: и паучков, и серебряные гамачки, и тычинки? Для меня пшеница и пшеница, миллионы колосьев качаются по ветру, считаешь, сколько пудов уродит...

— Не нравится? — спрашивает Танька.— Ты всё молчишь, Жень.

Так и набивается на комплименты. Ей-богу, она думает, что уже книжки может сочинять.

— Послушай, ты дядьку Арсения случайно похожим нарисовала или не случайно?

— Это когда на «молнию»?

— Ну да. Сразу можно было узнать.

— Я не знаю. Рисовала просто так, а получилось похоже.

— Бери карандаш и тетрадку,— сказал я решительно и остановил коня.— Рисуй. Я буду говорить, а ты рисуй. Годов ему двенадцать. Лицо круглое. Нос маленько курносый. Глаза вертучие, круглые, как шарики. И чистые. Сразу видать, честный. Ещё он добрый, отзывчивый. Товарищ хороший. Уши оттопыренные. Волосы чёрные. Подстрижен как попало, чёлка на глаза лезет. Почему не рисуешь?

— Я так не могу, Жень.

Я разочаровался:

— Тогда ты не художница. Это называется словесный портрет. Настоящие художники в два счёта нарисуют.

Танька грызла карандаш и молчала. Взгляд у неё был такой,

бы что она ничего кругом не видела. О чём-то думала. Я тронул коня, и мы поехали шагом.

— С живого портрет просто сделать. А он погиб. Его миной разорвало...

Я поглядел вперёд и... Что за деревня показалась? Должно быть, Игнатовка, а это... Батюшки светы, Колесниково! С другого края заехал. Поговорили называется! В Игнатовке и Бубнове хозяйки с вёдрами ждут, а я тары-бары-растабары...

В Колесникове работал как на пожаре, только вёдра мелькали. «Давай, давай! — тороплю женщин.— Время летнее, молоко живо прокиснет». Моя горячка была истолкована по-другому. Настя-доярка с подковыркой:

— На пару-то веселей, Женечка. Всё в руках горит.

Баба Груня притащилась — и тоже:

— Князь со княгинюшкой пожаловали.

А я — им:

— Хахоньки устраиваете, а кто вчера полднёвошное молоко вылил? Кислотность повышенная. Чуть назад не завернули.

Тётка Маня заахала:

— Это кто же такое удумал? Настя, ты?

— Вот ещё! У меня дачников полный дом, только утрешнее сдаю. Баба Груня, поди, за копейкой погналась.

— Ах бесстыжие твои глаза! Это я-то за копейкой?

Ну, думаю, ругайтесь на здоровье, а мне некогда. Подстегнул коня — и айда. Только последний дом миновали, Маша Петухова вылетает, кричит вдогонку:

— Стойте! Стойте! Вот хорошо, что приехали. Никого из штаба не бывает, а у нас сил никаких нет.

— Здрасте вам! Каждый день езжу, а она — «никого»! Дрыхнешь до обеда.

— Что случилось, Маша? — спросила Танька.

— Поглядите, что на Волге творится! Таких дорог понаделали, весь ячмень затоптали.

Петухова — командир седьмого поста. Этот пост должен охранять колесниковские поля, а они почти все вдоль Волги. С наступлением лета сюда рыболовы и туристы так и прут.

— Залезай на телегу,— велел я Маше.— Поглядим, с чем вам не сладить.

Я дал маленько крюку, и мы поднялись на Колесниковскую гору, с которой открывалась излучина Волги. Весь берег был заставлен синими, белыми, оранжевыми палатками. Под деревьями и на открытых местах стояли машины и мотоциклы. В одном месте натянута волейбольная сетка. У воды, как грачи на свежей борозде, сидели рыболовы.

— Уладим,— сказал я, уверенный, что всё обойдётся, что если где и притоптали немного ячменя, убыток возместят: люди сознательные.— Сегодня на восемнадцать ноль-ноль назначаю заседание штаба. Ведерникова и Петухова, сообщите командирам постов!

В восемнадцать ноль-ноль командиры не собрались. Женя с Толей ждали у пруда на поваленной вербе и от нечего делать затеяли борьбу. Поставили руки на ствол вербы, локоть к локтю, и сцепились пальцами.

— Капитулируй, Башка! У меня тренировочка: бидоны на телегу мячиками летают.

Женя взял рывком и почти положил Толину руку. Но Толя поднатужился и отжал назад.

— Мячиками, да? Летают? Неизвестный чемпион Европы и Азии, да?

Башкин жал медленно, но настойчиво. Женина рука готова была вот-вот лечь побеждённой. Борцы пыхтели, как два паровика.

— Силу вам девать некуда,— сказала Таня Ведерникова, мешком сваливаясь с велосипеда.— У меня спина деревянная и ноги свело. Полколхоза объехала.

Она вытянулась на траве, тяжело дыша. Стрельцов встал, свёл брови к переносице и строго официально спросил:

— Ведерникова, у вас часы для красы? На сколько было приказано собрать командиров?

Таня с удивлением посмотрела на него, села, обхватив руками колени, и вдруг улыбнулась, устало и светло.

— Воображала. Лучше бы спасибо сказал.— И, достав из кармана сарафана вчетверо сложенный тетрадный листок, подала Жене.— Думаешь, в скакалки играла?



Женя развернул, и командирская важность мигом слетела с него.

— Похож! — закричал он, подскочил, притопнул ногой, перепрыгнул через вербу и от избытка чувств стукнул Тольку по голове.— Ей-богу, похож! Вылитый Башка! — И ещё раз стукнул приятеля.— Будешь знать, как тюкать на таланты.

Толя разглядывал собственный портрет, нарисованный Таней по словесному описанию; и недовольно хмыкал:

— Глаза бараньи. И уши у меня нормальные, как у всех людей. Карикатура, а не портрет.

— Ты такой и есть, лопоухий,— сказал Женя.— А теперь, Ведерникова, слушай. Пойдёшь завтра в Игнатовку, найдёшь бабку Дарью, она на краю живёт, и всё у неё выспросишь про сына Ванюшку. Она тебе будет рассказывать, а ты рисуй. Целую картину нарисуешь, поняла? Задание особой важности.

Таня сказала:

— Постараюсь. Только не знаю, получится ли.

— Старайся,— произнёс Женя тоном председателя сельсовета.— Глядишь, на весь колхоз прославишься...

Потом, когда собрались командиры постов, было заседание штаба. Все расселись на бережку пруда, а начальник и комиссар штаба (Стрельцов произвёл Башкина в комиссары) — на поваленной вербе. И вот Женя Стрельцов начал первую в своей жизни речь. Попытаемся её воспроизвести если не дословно, то по возможности более точно.

Женя говорил:

— Хлеб — это вам не булка с изюмом. Булка что такое? Кондитерское изделие, которое под крышей в жаркой печке пекут. Пекарю не дует, не сквозит. Дождь его не мучит, мороз не морозит. А у тракториста небо над головой. Сверху поливает, снизу поддувает. Хлеб не спрашивает, холодно тебе или жарко, время пришло — паши и сей. А что соберёшь — природа скажет. Может, доброй матушкой станет, может, злой мачехой обернётся. А есть люди, которые этого не понимают. Им что поле, что дорога — не разбирают, ездят где попало. С сегодняшнего дня объявляется особое положение. Всем быть в боевой готовности и не допустить, чтобы хоть один колосок втоптали в землю.

Вот так говорил Женя Стрельцов, и все командиры постов понимали, что охрана полей — это не детская забава, а очень ответственное дело.

На следующий день я, Башкин и Ведерникова поехали на велосипедах на Волгу. Я захватил с собой фотоаппарат. Едва мы спустились с Колесниковской горы, слышим: у палаток шум стоит. Дачники кучей навалились на пастухов.

— Куда коров гоните, не видите, дети играют? — кричат рассерженные тётки.

Мужики — тоже:

— Скотина донки перепутала, реки вам мало, на удочки прёте!

Мой отец, Николай Сергеевич Стрельцов, пастух-двухтысячник, вежливо объясняет:

— Граждане, тут не курорт, тут пастбище. Видите, берег продискован и засеян травой.

Один кудлатик с видом учёного начал доказывать:

— Законов не знаешь, пастух. Приречная полоса шириною до двух километров не должна возделываться во избежание оврагообразования.

А отец — ему:

— Приречная полоса наших дедов кормила и нас с вами кормит. Я, граждане, по-доброму говорю: смените место.

Кудлатый законник всю свою учёность потерял, руками замахал, будто курят с огорода гонит.

— Как смените? Вы нас изгоняете? Это произвол! Я трудящийся, у меня отпуск, где хочу, там и провожу.

— Земля колхозная, а вы, не спросясь...

— Щёлкни его на карточку,— говорит мне Башкин.

— Погоди ты. Он ещё ничего не сделал, только кричит.

На шум от палатки подошёл степенный дядька и стал урезонивать кудлатого.

— Не кипятись, Вадим. По сути дела мы хамим. Забрались в чужой дом и развалились — ноги на стол.

Я нашёл момент подходящим, вынул из кармана блокнот и говорю:

— Товарищи, разрешите узнать ваши фамилии и откуда вы?

С кудлатым Вадимом чуть припадок не случился. Наверно у него с нервами не в порядке, так весь и задёргался.

— Помилуйте! И эта мошкара тут! Боже, что с детьми делают! Милиционерами наряжают, в войну играют... Теперь хлебный патруль объявился, с ума сойти!

— Накричался? — спросил я и стал расстёгивать фотоаппарат.— Сейчас на карточку снимем. Карточка — это документ.

Краем глаза я заметил, что пацаны, игравшие в волейбол, бросили мяч и стали придвигаться к нам сзади. Но наблюдать за пацанами было некогда, фотоаппарат произвёл на крикунов такое действие, будто пушку на них навели. Вадим отвернулся и пошагал к палатке. Тётки стали руками закрываться, а рыбаки побежали к донкам, как будто там на каждом крючке уже по лещу сидело. Башкин трясётся от смеха:

— Вот чудо, Жень! Самопала никто бы не испугался, а от фотоаппарата бегут.

Тут мой отец, который мирно разговаривал со степенным пожилым мужчиной, говорит нам:

— Ну хватит, ребята, а то, вишь, народ наполохали. Идите домой, без вас уладится!

Ну, мы и пошли. Идём себе, переговариваемся, велосипеды в руках ведём. Поднялись в гору, навстречу от деревни Маша Петухова бежит, давай нам пенять, почему её с собой не взяли.

— Поглядите! Вы только поглядите, что на ячменном поле делается! Столько дорог наездили! Мы говорим, а нас не слушают. Один на красном «Москвиче» такой нахальный, два раза на дню за молоком ездит и всё через ячмень. На нас ноль внимания.

— Какой он с виду? — спросил я.

— Чёрный. Весь лохматый. Без рубахи и в шортах.

Мы с Толькой переглянулись: он? Он! Кудлатик с видом учёного.

— Ладно,— сказал я.— Поехали посмотрим, что за дорогу он набил.

Только сели на велосипеды, чувствуем: задние шины спущены. Сразу у всех троих. Вот так шутка! Стали осматривать — ножиком сбоку проколоты. Сначала ничего не могли по-

нять, а потом я вспомнил, что пацаны сзади толпились, и говорю:

— Они натворили. Вот паразиты!

Ох, какие злые мы сделались! У нас с Толькой кулаки сами сжимаются. Надо вернуться и дать как следует. Дракой нас не запугаешь, кузьминские отроду драчуны. Но Ведерникова отговорила:

— Не связывайтесь, мальчики. Не унижайтесь. Они хулиганят, а нам нельзя: у нас вон что,— и показала на зелёные повязки.

Мы остыли. Ясно, что патруль драться не имеет права. Так пешком и пошли на колесниковское поле. Дорога там проложена такая, что мы вчетвером в одну шеренгу по ней шли. Люди, которые её наездили, ей-богу, без царя в голове. Ведь хлеб же! А им нипочём.

Что делать? Остановились на дороге посреди поля и чешем затылки.

— Надо четыре столба,— сказал я.— Вкопаем с обеих сторон и напишем: ездить нельзя.

Маша Петухова повела нас к своему дому, показала на сваленные на придворке дрова — выбирайте. Мы с Башкиным выбрали четыре берёзовых кругляша, отпилили какой надо длины, взвалили на плечи и понесли. Пока по второму разу ходили, девчонки ямки выдолбили. Трудимся в поте лица, вдруг машина катит. Красная, но только не «Москвич», а «Жигули» (Маша перепутала). За рулём знакомый кудлатик. Видит, дорога перегорожена, вильнул в сторону, объехал по ячменю и покатил дальше. На нас даже не чихнул. Мы, как те берёзовые столбы, стоим на дороге — ни слова сказать, ни рукой пошевелить: онемели от такого нахальства.

Башкин опомнился и говорит:

— Ребята, война объявлена! Надо ответить ударом на удар.

— Молчи ты, вояка,— осадил я Тольку.— Горячий больно...

Мы вернулись домой и стали снимать с велосипедов проколотые камеры. Настроение у меня было ужасное. Почему люди такие? Мы же ничего плохого не сделали. Особенно этот кудлатый Вадим. Вы даже представить не можете, какой я был злой

на этого типа. Наверно, моя злость и была причиной тому, что я согласился с Башкиным. Он предложил заминировать дорогу.

— Женька,— сказал он,— у тебя с Телегиным дружба, иди в мастерскую и проси камеры завулканизировать. А я пойду делать мины. Ночью на дороге поставим.

У меня не хватило соображения спросить, какие такие мины он задумал. Я повесил на плечо камеры и пошёл в мастерскую. Был уже вечер. На машинном дворе Телегин давал трактористам наряд на завтра: кому клевер силосовать, кому — картошку окучивать, кому — на техуход становиться.

— Ты чего, орёл, камерами, как баранками, увешан?

Это спросил у меня Витька Петухов, колесниковский тракторист, Машин брат. Он ещё недавно в школу ходил, потом училище механизаторов кончил. Я ему ответил, что нас беда постигла, пришёл камеры вулканизировать. Он у меня про всё выспросил и кричит Телегину:

— Николай Алексеевич, это же безобразие! Смотри, чего нашим помощникам устроили.

Телегин и другие трактористы стали спрашивать, чего такого нам устроили. Я рассказал как было: и про палатки на пастбище, и про пацанов, которые велосипеды прокололи, и про кудлатика на «Жигулях». Витька Петухов говорит бригадиру:

— Николай Алексеевич, разреши инициативу проявить? Я то поле ячменём засевал, оно на моей совести.

— Не разрешаю,— строго сказал Телегин.— Тебя на хулиганство тянет.

— Ну-у,— затянул Витька,— какое это хулиганство? Поставлю утречком у палаток трактор и дам прогазовочку. Один сеанс выдержат, со второго сбегут.

— Посмей у меня! — ещё строже сказал Телегин.— Тут надо другие меры принимать. Сам займусь. Кто у нас сегодня на техуходе? Заклейте им камеры.

С таким человеком, как Телегин, горы можно своротить. Сказано — сделано. Через двадцать минут камеры были готовы.

Я вернулся в Кузьминки и пошёл к Башкину. Он показал

четыре коротенькие доски с большими гвоздями. Это и были мины, а проще сказать ежи, которые мы должны были заложить на дороге. И мы заложили. Ночью. Прямо в колею. Воевать так воевать!

Утром я не поехал собирать молоко, рассудил, что хлеб дороже. Чуть свет мы с Башкиным отправились на колесниковское поле и залегли в засаду.

Утро выдалось как по заказу: тёплое и такое тихое, что слышно было, как переговаривались на Волге рыболовы. Мы лежали на траве и от нечего делать щекотали друг дружку травинками. Потом нам это занятие надоело, стали гадать на ромашках: поедет или не поедет сегодня кудлатый Вадим. У меня выходило «поедет», а у Башкина — «не поедет».

— Он парным молоком отпивается. К дойке обязательно поедет.

Только я так проговорил, слышим: мотор заурчал. Выруливает кудлатый, сейчас в гору начнёт подыматься. Башкин стал дурачиться:

— Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса!

Мне отчего-то стало жалко машины. Такие гвоздищи насмерть пропорят резину. А машина-то, если разобраться, ни при чём. На заводе делали, старались...

— Не высовывайся, балда! — зашипел Башкин.— Заметит — поминай как звали.

Тольку охватил азарт. Он даже ухом к земле припал, будто в самом деле слушал, как вот-вот взорвётся мина. А я стал какой-то безразличный. Злость моя пропала. Будто не кололи нам вчера велосипеды, будто не по хлебу едет сейчас кудлатый... Даже рассердился на себя: вот размазня! Но всё равно не помогало. Перед глазами стояла красивая машина...

— Напоролся! — закричал Башкин.— Пойдём, полюбуемся на его видик.

Кудлатый Вадим держал в руках доску с гвоздями и ругался на чём свет стоит.

— Ваша работа? — напустился он на нас, потрясая «ежом».

— Наша,— сказал Толька.— Будешь знать, как хлеб топтать.

— Бандиты! Из вас бандиты вырастут. Я так не оставлю. Отвезу в милицию и сдам, пускай вас в колонию упекут.

Вадим двинулся на нас, но мы не стронулись с места. От него несло водочным перегаром, глаза опухшие и злые. Он, наверное, поколотил бы нас, если бы в это время не затрещал мотоцикл. За рулём «Урала» сидел Телегин, а в люльке — Ведерников, председатель сельсовета.

— Что здесь происходит? — спросил Телегин. – А, знакомая личность! Ваши права.

— Иди ты!.. Нашёлся мне начальник.

Николай Алексеевич достал из кармана удостоверение нештатного инспектора ГАИ и показал Вадиму.

— Почему за рулём в нетрезвом виде? Почему, несмотря на ограждение, ездите по полю? Предъявите права!

Вся дурь слетела с кудлатого. Он заговорил по-другому:

— Слушай, Телегин, за запасными частями к нам ездишь? Так вот не забудь: на складе моя рука владыка...

А председатель сельсовета сидел на мотоцикле и что-то писал в блокноте. Написал, листок вырвал и говорит:

— Копейкин, иди распишись, акт на тебя составили.

Фамилия Вадима, оказывается,— Копейкин. Мне даже смешно стало: учёный Копейкин заведует складом. Тихонько спрашиваю:

— Иван Николаевич, а как вы узнали, что он... Копейкин?

Председатель рассмеялся:

— Кто Ваську Копейкина не знает! Из колхоза в своё время удрал.

Ещё чище: не Вадим, Васька. И вот этот Васька Копейкин, как ни вертелся, а всё же и водительские права отдал, и акт подписал. Башкин торжествовал. У меня тоже настроение поднялось: допрыгался, лохмач!

Но торжество наше было недолгим. Ведерников велел нам в сельсовет явиться. Мы сразу туда и пошли. Думали, похвалят, а вместо похвалы всыпали нам по первое число.

— Это что же получается? — зашумел на нас председатель.— Самовольничаете? Анархию разводите? Сейчас велю

выписать вашим батькам повестки, я с них спрошу за ваше поведение. И в школу дам знать. Самовольники — вот вы кто, а не охранники полей.

За нас заступился Телегин, он тоже в сельсовете сидел, какую-то бумагу писал.

— Не шуми на ребят,— сказал он председателю.— Им вон велосипеды порезали, а они за хлеб стараются. Лучше скажи, когда постановление о стоянках примешь. Областной исполком месяц назад принял. Чёрным по белому написано: определить места для стоянок автомобилей и вообще для отдыха горожан. А ты всё тянешь.

— Товарищ Телегин,— важно сказал председатель,— бумагу написать проще простого. Стоянки оборудовать надо, а у меня бюджет не резиновый. Если ты такой хороший хозяин, взял бы да и отвалил тысчонку за счёт экономии.

— А не густо будет? — усмехнулся Телегин.— Тысчонки горбом добываются, а я их Ваське Копейкину на тарелочке поднесу? Пускай свой карман потрясёт.

Они спорят, а мы с Толькой сидим, носы повесили. Неужели Ведерников в самом деле отцов вызовет? Нет, наверно, для острастки грозится. Всё-таки Николай Алексеевич заступился.

В это время отворяется дверь, и входит какой-то мальчишка в майке и в шортах, а за ним — дядька, тот самый, который вчера на пастбище Ваську-Вадима урезонивал.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал дядька и, обойдя кабинет, всем пожал руки, нам с Толькой тоже.

— Матвею Максимовичу доброго здравия,— уважительно приветствовал его председатель.— Очень рады такому гостю.

Дядька Матвей рассмеялся и говорит Ведерникову:

— Лукавишь, Иван. Не рады вы нам. Сам вижу, приятного от нас мало.— И повернулся к мальчишке, который как вошёл, так и остался стоять у порога: — Проходи, Володя. Знакомься и исправляй ошибку.

Я только сейчас заметил, что мальчишка держит за спиной какой-то пакет. Залившись краской, он подошёл к нам, протянул пакет и чуть слышно сказал:

— Простите.

Мы развернули пакет и от удивления рты разинули. Свёрнутые восьмёрками, в пакете лежали три новые покрышки с камерами. Пока мы приходили в себя, дядька Матвей, добродушно посмеиваясь, говорил:

— Копейкину мозговой вывих вправили. А с ребятами матери разобрались. Сложились и откупили. Так что конфликт можно считать улаженным. Есть у нас, товарищи, вам предложение.

— Слушаем тебя, Максимыч,— сказал Ведерников.— Говори.

— Предложение такое. Нашего брата, отдыхающего, как говорится, дикарём, становится всё больше. Понимаем, для вас эта стихия весьма нежелательная. Постановление облисполкома о стоянках есть, вы знаете.

— Перед вашим приходом как раз об этом говорили,— сказал Телегин.— Иван Николаевич выманивал у меня деньги.

— Я думаю,— продолжал дядька Матвей,— на первый случай без денег обойдёмся. Нас, дикарей, там три десятка наберётся. Все согласны принять участие, так сказать, в воскреснике. С вашей стороны желательно помочь техникой: планировочку сделать, проезд, ну, там десяток лесин выделить для обозначения...

— Великолепно! — обрадовался Ведерников. — Общими силами, так сказать... А Совет со своей стороны решил о стоянке. Я полагаю, у Белого камня очень удобно будет. Ты, Матвей Максимович, знаешь то место. На большой излучине. А Николай Алексеевич, безусловно, поможет.

— Пару бульдозеров выделю,— сказал Телегин.— Большего пока не могу.

— Достаточно, — сказал дядька Матвей и обратился к нам: — Ну, а вы, «алые пилотки», как? Поможете?

— Поможем,— сказал я. – На коне приедем. Хворосту вам навозим.

— Совсем хорошо! Вот что значит мирные переговоры. Боевыми действиями того не достигнешь.— Дядька Матвей рассмеялся.— А теперь, орлы, гуляйте, налаживайте личные контакты. Мы ещё поговорим.

Таким вежливым образом нас выпроводили на улицу. На улице Башкин спросил у Володи:

— Кто он такой?

— Токарь на заводе. Герой Труда,— сказал Володя.— Его все уважают.

— Умный,— сказал я.— А тебе фамилия как?

— Копейкин.

Меня словно шилом кольнуло: Ко-пей-кин?!

Не тому я удивился, что Володя оказался сыном Васьки-Вадима, а тому, что фамилия эта... игнатовская. У нас в каждой деревне свои фамилии. В Игнатовке у двоих Копейкиных я молоко принимаю. Значит...

— Откуда твой отец родом? — спросил я у Володи.

— Тут недалеко,— сказал он.— Я забыл деревню. Маленьким один раз был.

— Игнатовка?

— Кажется, да. Папкина тётка там живёт. Мы к ней не ездим, изба у неё совсем плохая... В палатке и то лучше.

Меня начало распирать, как котёл парами, вот-вот взорвусь.

Я уже понял, кто ихняя тётка. Плохая изба только у бабки Дарьи. Значит, Васька-Вадим и бабкин сын Ванюшка, убитый миной,— братья. Один пахал поле и погиб, другой не сеет, не жнёт — раскатывается на машине по хлебу.

Башкин по моему виду понял, что надвигается гроза, и начал делать мне знаки: поддадим, что ли? Соблазн был велик, но я за лето немножко поумнел. Нет, никакой драки не будет! У нас не драка, а борьба. Во всякой борьбе надо тренировать себя на длительное напряжение. Это не бидоны на телегу кидать.

Я взял у Башкина пакет с покрышками, вложил Володе в руки и сказал, стараясь быть спокойным и твёрдым:

— Иди. Простить вас нельзя. Батька хлеб топчет, сын ножичком исподтишка велосипеды прокалывает. Вы — пакостники. А если у тебя совесть есть, попроси отца, пускай он расскажет про своего брата Ванюшку.

Володя стоял, опустив глаза, потом повернулся и медленно побрёл назад. Вид у него был понурый...

Ну вот и вся повесть о Жене Стрельцове и его товарищах. Остаётся сказать, что когда комбайны вышли в поле и был взвешен первый намолот, то оказалось: каждый гектар уродил по тридцать два центнера хлеба. Николай Алексеевич Телегин принародно пожал руки всем членам штаба пионерского патруля и сказал:

— Спасибо, товарищи!

Благодарность человека, который выращивает хлеб,— это самая большая награда.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1989 году выходят следующие книги:

Белозёров Т. ЗИМУШКА — ЗИМА.

В книгу вошли стихи о сибирской зиме

Казаков Ю. ТИХОЕ УТРО.

Рассказы о природе и детях

Кнорре Ф. СОЛЁНЫЙ ПЁС.

Рассказ о судьбе судового пса, которого подобрали советские моряки в одном из иностранных портов.

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Васильев Иван Афанасьевич

АЛЫЕ ПИЛОТКИ

Повесть

Ответственный редактор **М. С. Ефимова**. Художественный редактор **Г. Ф. Ордынский**. Технический редактор **Л. П. Костикова**. Корректор **Е. И. Щербакова**.

ИБ № 11064

Подписано к печати с готовых диапозитивов 14.11.88. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 4,5. Уч.-изд. л. 3,54. Тираж 900 000 экз. Заказ № 857. Цена 15 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

